

ISSN 241-4618

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА

Материалы XIV
Всероссийской научно-практической конференции
молодых ученых 21 апреля 2015 года

ЕКАТЕРИНБУРГ, 2015

УДК 101. 1
ББК Ю 25
Ф56

Печатается по решению кафедры
философии УрГПУ
(Протокол № 10 от 01.04. 2015)

Редакционная коллегия:

А.П. Чудинов – проректор по НИД, профессор;
Л.А. Беляева – заведующий кафедрой философии, профессор;

Философия и наука: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Философия и наука», Екатеринбург, 21 апреля 2015 г. / под ред. Л.А. Беляевой / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 194 с.

В сборнике представлены материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и их научных руководителей, работающих в вузах Российской Федерации. В издании нашли отражение многочисленные проблемы взаимосвязи конкретно-научных исследований и философии как их мировоззренческой и теоретико-методологической основы. Книга будет полезна аспирантам, соискателям и всем, кто интересуется философией и методологией науки. В сборнике также представлена студенческая секция философских эссе.

©Уральский государственный педагогический университет, 2015

ISSN 241-4618

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеева В.А., Дереновский Р.И.</i> Историческая память как смысложизненная Константа человека.....	6
<i>Арпентьева М.Р.</i> Проблематика образовательных симулякров.....	22
<i>Бабикова М. Р.</i> Когнитивные аспекты современной философии языка.....	32
<i>Беляева Л. А.</i> Контекстный подход в формировании идеологии современного российского образования.....	38
<i>Берсенева О. М.</i> Философские основы технологии взаимообучения.....	47
<i>Блинова О.А.</i> Персональная идентичность в контексте персонального интернет-нарратива.....	54
<i>Борисов С.В.</i> Онтологические основания научной рациональности: перспективы философского исследования.....	59
<i>Гайкин В.А.</i> Искусство на западе и на востоке: Цивилизационная специфика.....	65
<i>Горбунова Н.Е.</i> Философский и психологический подходы к изучению мотивации.....	72
<i>Дедюлина М.А.</i> Моральные посредники в философии технологий.....	78
<i>Дубских Е.Е.</i> Антропологический подход к проблеме формирования творческой индивидуальности будущего актера.....	84

Ермакова Е.А. Теоретический анализ феномена «образ» в философии.....	92
Зотова А.С. Проблема национальной идентичности: коммуникативный аспект.....	98
Иванова Ю.Р. История и методология фенологии.....	105
Беляева Л.А., Истрафильева Л.Х., Черепанова В.П. Человеческий потенциал в структуре экономических ресурсов.....	110
Летягин Л.И. Проблема истинности гуманитарного знания в постнеклассической науке.....	117
Михайлов А.А. Профессиональное развитие педагога в поликультурном образовательном пространстве.....	128
Ромащенко А.А., Ромащенко М.А. Герменевтика и феноменология: возможности преподавания философии.....	136
Савоськина А. М. Ценности в естественнонаучном познании.....	143
Семенова Ю.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию агрессии и деструктивности.....	147
Сказченкова К.А. Роль мифов в сознании современной молодёжи (на примере студентов АФ МГГУ им. М.А.Шолохова).....	152
Уваров В. В. Стихийный подход к математическим понятиям при анализе комплекса пирамид на плато Гизе.....	159

Фадейкин Ф.Н.	
Современное высшее образование в обществе потребления: смена парадигм.....	164
Фаритов В.Т.	
Бытие как трансгрессия: онтологические аспекты неклассической физики.....	169
Хисматуллин И.Р.	
Политическая философия о политической науке и политике.....	176
Чугаева И.Г.	
Герменевтические аспекты переживания художественного образа.....	183
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189

*Алексеева Валентина Александровна
Дереновский Роман Игоревич*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК СМЫСЛОЖИЗНЕННАЯ КОНСТАНТА ЧЕЛОВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская цивилизация, историческая память, культура, национальное сознание, массовое сознание, национальная идентичность.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос об экзистенциальной природе исторической памяти человека. Обосновывается тезис о том, что данный феномен выступает неотъемлемой частью духовной целостности личности, исследуются механизмы его деструкции в современном массовом сознании, проводится идея о фундаментальном значении исторической памяти для сохранения цивилизационной идентичности.

*Alekseeva Valentina Aleksandrovna
Derenovskii Roman Igorevich*

HISTORICAL MEMORY AS SMYSLOZHIZNENNY CONSTANT OF THE PERSON

KEY WORDS: Russian civilization, the historical memory, culture, national view, mass mentality, national identity.

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of the existential nature of the historical memory. The thesis that given phenomenon is an integral part of the personality's spiritual integrity is substantiated. The mechanisms of the destruction of the historical memory in the modern mass mentality are inves-

tigated. The idea of key importance of the historical memory for the preservation of the civilizational identity is supposed.

Острейшей проблемой современности стала утрата человеком целого ряда жизненных констант, существовавших веками и определявших смысл и весь строй человеческой жизни, таких, как любовь, осознание конечности земного существования, устремленность в вечность, национальная и культурная идентичность. Разрушение традиционных ценностей, тотальный и углубляющийся разрыв непосредственных живых человеческих взаимоотношений, утилитаризм и потребительское отношение к жизни, эгоцентрированность мировоззрения ведут и к чувству неполноты бытия и, в конечном итоге, к полному обесцениванию личности, к сведению личности к набору функций.

Наши современники, по крайней мере, - мыслящая их часть, испытывают чувство тревоги и неуверенности в условиях зримого и ускоряющегося технического прогресса, что прекрасно осознано, в частности, философской традицией постмодернизма.

Нынешняя массовая вненациональная культура, современный ритм жизни и как никогда прежде сильный мотив гедонизма буквально «разрывают» человека, фрагментаризируют его повседневность. И перед лицом этой современной «агрессии окружающего мира» человек ощущает себя весьма слабым и ничтожным. Естественно, что вековое стремление человека обрести какую-то жизненную опору, приобщить себя к тому, что устойчивее, сильнее, надежнее тебя сегодняшнего, является неустранимым и ныне. Одной из форм подобного рода духовного поиска предельных оснований личностного существования, безусловно, выступает историческая память.

Феномен исторической памяти давно является объектом философского осмысления и научного исследования. Различие методологических оснований и исследовательских подходов здесь связано с именами Гегеля, М. Фуко, Т. Адорно, П. Нора, Ж. Ле Гоффа, Б. Гене, Х. Ортеги-и-Гассета, Р. Генона и др.

Содержание понятия «историческая память» составляет совокупность актов человеческого духа, направленных на символическое реконструирование прошлого в актуальной повседневной жизни личности. Данный духовный феномен непосредственно связан с формированием идентичности человека и его нравственным выбором.

Если память как нейрофизиологическая составляющая психики человека представляет собой фиксацию, сохранение и воспроизводство фрагментов личного опыта человека, то память историческая – это феномен внебиологический, означающий способность человека соотнести себя с людьми прошлых эпох, в какой-то мере «отрешиться» от себя и поставить себя на их место. Фактически она означает способность человека духовно, умозрительно «выйти за пределы своей собственной повседневной жизни», лично пережить то, что имело место когда-то очень давно, может быть, - много веков назад, способность человека мысленно погрузиться в ту или иную эпоху истории и стать «участником» минувших событий.

Историческую память необходимо, безусловно, отличать от исторического знания, хотя последнее, конечно же, выступает, с одной стороны, ее предпосылкой, а с другой, - ее оформленным результатом. Но, прежде всего, историческое знание – это готовое знание, добытое кем-то, будь то летописец или специалист-историк, и транслируемое «потребителю». Это – всегда схема, состоящая из сухих дат и опи-

саний событий, отвлеченных от конкретной жизни людей прошлого и не имеющая прямого отношения к повседневной жизни современного человека, а если в рамках готового знания дается какая-либо оценка историческим событиям, то делается это, как правило, в силу того или иного социального и идеологического заказа. Историческая память – это прежде всего способность «обыденного» человека вникнуть в само мировоззрение людей прошлого, в совокупность их пристрастий, чаяний, планов и надежд. В исторической памяти присутствуют преимущественно не «глобальные закономерности исторического процесса» и не последовательные цепочки событий, а конкретные судьбы, характеры, поступки.

В этой связи уместно напомнить идею В. Виндельбанда о разграничении номотетического и идеографического методов исследования и, соответственно, - естественных и исторических наук. Если науки номотетические исследуют предмет с точки зрения проявленных в нем всеобщих, универсальных закономерностей, то науки идеографические, и в частности, - историческая наука, рассматривают единичное в его исторической неповторимости. В единичном человеческом существовании есть нечто, что нельзя выразить в общих понятиях. И хотя известно, что в реальном историческом познании, в рамках существующей исторической науки мы можем увидеть сочетание обоих названных исследовательских методов (принципиально различны в этом плане, например, произведения С. Соловьева и Н. Карамзина), невозможно понять историческое прошлое, рассматривая лишь его лишь как законосообразную схему. Во всем историческом кроется «непознаваемое, неизреченное и неопределимое» (В. Виндельбанд). Поэтому именно историческая память всегда наиболее бережна к прошлому, в ней никогда не теряется человек.

Приведенный ниже текст, безусловно, является текстом историческим, хотя в нем нет той «строгой теоретичности», которая отличает научные исследования. Скорее, он носит нарративный характер. Он составлен нами из фрагментов устных бесед, из воспоминаний и документальных свидетельств. Но именно подобного рода нарративы, думается, и воспроизводят историческую память.

«Минуло уже четверть века с тех пор, как в 1989 году из Афганистана были выведены последние советские войска. И, казалось бы, давно уже пора забыть ту войну, историческое описание которой преимущественно свелось к нескольким строчкам в учебнике, и отношение к которой до сегодняшнего дня остается неоднозначным. А неоднозначность эта – не только из-за различий в мировоззрениях людей или в их политических пристрастиях. Эта война как нельзя более ярко высветила именно неразрешимость глубинных вопросов человеческой жизни. Ведь никакая скрупулезная аналитика, никакие рассуждения историков или политологов, никакие изменчивые идеологические конструкты не способны примирить в сознании то, что в принципе непримиримо, то, что воскрешает в памяти лишь знаменитое вопрошание Достоевского о слезинке ребенка, положенной в основание царства всеобщего благоденствия.

Да, с одной стороны, геополитическая реальность 70-х, стратегические интересы СССР и противостояние сверхдержав в эпоху холодной войны действительно требовали советского присутствия в Афганистане, и решение руководства СССР о вводе войск было весьма взвешенным. А с другой – это стремление к стратегическому превосходству (к превосходству, заметим, не чужой нам страны, а нашей Родины) оплачивалось ценой десятков тысяч жизней, обесцениванием самой жизни человека. И если сегодня память обращается к

былой славе разрушенной теперь великой державы, и если не высохли слезы матерей, потерявших в Афганской войне сыновей, то любой призыв или хотя бы намек на то, что о войне в Афганистане лучше бы и не вспоминать, звучит и абсурдно, и предательски.

Разве можно забыть того, кто тогда своим телом закрыл тебя от пули душмана, разве можно вычеркнуть из памяти боевое афганское братство? И можно ли сейчас, даже по прошествии стольких лет, не обращать внимания на тех, кого эта «...ненужная, но наша война» безжалостно искалечила?

Одним из тех, кто всегда бережно хранил память о войне в Афганистане, был верен традициям боевого братства, был Павел Сергеевич Саркисян – житель Анапы, воин-интернационалист, участник боевых действий в Афганистане, ушедший из жизни осенью 2014 года.

Родился Павел Сергеевич 23 мая 1968 года в посёлке Чембурка Анапского района Краснодарского края в семье тружеников сельского хозяйства. Мама русская, отец армянин. Детство провел с родителями в посёлке Чембурка, а десятый класс закончил в средней школе № 3 посёлка Джемете, что под Анапой.

В 1986 году Павел Сергеевич был призван в ряды Советской Армии, а с декабря 1986 года по июль 1988 года проходил срочную службу в Республике Афганистан в десантных войсках в провинции Кандагар. В ходе боевых действий он получил ранение и контузию. Из Афганистана Павел Сергеевич вернулся инвалидом второй группы.

За успешное выполнение поставленных перед ним задач он был награжден орденом «Красной Звезды» и, в соответствии с Указом Президента Республики Афганистан от 15

мая 1988 года, - медалью «Воину Интернационалисту от благодарного афганского народа».

Одной из самых редких наград, орденом «Красная Звезда», Павел Сергеевич Саркисян был награжден, как отмечается в наградном листе, «за проявленные им мужество и героизм в условиях боевых действий».

Он участвовал в восьми боевых операциях по ликвидации бандформирований в провинции Кандагар продолжительностью 118 суток, проявляя храбрость, решительность, отличную профессиональную подготовку. 30 мая 1987 года в ходе боевых действий в уезде Аргандаб Павел Сергеевич, умело маневрируя под огнем мятежников, смело вывел БТР в удобную огневую позицию на склоне горы, что способствовало отражению атаки противника на командный пункт полка. А 29 июля 1987 года в боевых действиях в уезде Танджвани при подрыве БТР на фугасе, несмотря на полученные травмы из боя не вышел, сев за руль поврежденной машины, с риском для жизни, под огнем мятежников участвовал в эвакуации машины с поля боя. Так с честью выполнял Павел Сергеевич свой воинский долг.

Но Павел Сергеевич Саркисян был героем не только в условиях войны, но и в гражданской жизни. Здесь он стал для своих земляков, для тех, кто его знал, образцом подлинно нравственного отношения к жизни и к людям. Уже будучи гражданским человеком, Павел Сергеевич был награжден многими медалями и орденами такими как орден «За службу России», медалями «За верность долгу и Отечеству» и многими другими.

2000 году он становится председателем Анапского отделения Краснодарской региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане «Инвалиды войны» и членом правления Крас-

нодарской краевой организации «Российский союз ветеранов Афганистана». А образованное в 1999 году в Анапе автотранспортное предприятие «Кандагар» также возглавил Павел Сергеевич. Предприятие это, в ряду других анапских фирм – автоперевозчиков, особенное. Оно объединило не только воинов - афганцев, но и ветеранов Советской Армии и Вооруженных Сил России, принимавших участие во всех локальных вооруженных конфликтах. Предприятие «Кандагар» объединило мужчин разного возраста, но с одинаковой судьбой.

К директору водители воины-интернационалисты и члены их семей, матери и вдовы погибших постоянно обращались со своими нуждами. Павел Сергеевич всегда вникал в суть каждой проблемы и старался поддерживать всем, чем мог, людей, нуждающихся в помощи. А в городе всегда было известно, что от ООО " Кандагар" безотказно и безвозмездно направляется транспорт для решения общегородских проблем, что перечисляются пожертвования в рамках благотворительных программ, что 7 и 8 мая, по инициативе Павла Сергеевича, ежегодно проводится турнир по мотокроссу в честь анапчан, погибших в локальных конфликтах.

Павел Сергеевич всегда был умелым руководителем, творческим и инициативным человеком, честным и порядочным. Он никогда не проходил мимо чужой беды, никогда не оставался равнодушным. Он свято и мужественно выполнил свой воинский долг в Афганистане, а его девизом по жизни были слова: «Быть честным, творить добро людям!». Так и надо жить – пусть короткая жизнь, но – справедливая и чистая. А потому она – и в нашей памяти тоже».

Образ прошлого имплицитно включен в представления человека о времени и о вечности. Необходимость возвращения к истокам своего существования вызывается по-

требностью осмыслить свою судьбу, глубинные причины сегодняшних ситуаций и проблем, понять, «как это случилось со мной». По мнению Э. Фромма: «Настоящее – это точка, где прошлое встречается с будущим, это станция на границе двух времен, соединяющая их и качественно ничем от них не отличающаяся».[3. 216] На этом концептуальном основании можно утверждать, что прошлое как бы присутствует в настоящем, в его специфических особенностях. Известен и тезис общей теории систем, согласно которому каждое конкретное актуальное состояние системы обусловлено спецификой всех ее предшествующих состояний. Ф. Бродель утверждал о том, что все социокультурное прошлое человечества формирует наличные «структуры повседневности». Поэтому модус «настоящего времени» в сознании человека неизменно включает в себя как «живую память» о своих ближайших предках («так поступал мой отец» или «этого могло бы не быть, если бы в свое время моя мама...» и т.д.), так и постоянную обращенность к исторической реальности. Иначе говоря, без освоения прошлого невозможно наличное существование человека, отношения прошлого и настоящего – это отношения событийности.

Историческая память присуща человеку, не склонному «скользить по поверхности своей жизни», способному видеть неумолимость своей судьбы и повторяемость человеческих судеб. Она предполагает живую связь человека с историей своего рода, своей страны, с историей всего человечества. Но возникает осознание того, что человек тысячами нитей «привязан к истории» лишь в контексте процесса осмысления человеком собственной жизни. А осмысление жизни означает нашу попытку соотнести конкретные ее события с некоей всеобщей универсальной истиной и вписать ее в контекст вечности. Мы вспоминаем о прошлом и о его людях

тогда, когда нам трудно, когда напрасны наши призывы о помощи к современникам, когда перед нами встают вопросы неразрешимые, вопросы, касающиеся самих основ нашего собственного существования, когда мы оказываемся перед лицом непростого нравственного выбора. Тогда в прошлом мы ищем аналогий и, находя их, мы благодарны прошлому, от прошлого мы как бы мысленно принимаем некую эстафету, укрепляемся в своих жизненных силах.

Различные исторические варианты человеческой практики воплощаются и закрепляются в той или иной форме: в социальных нормах, в языке, в ритуалах и обрядах и т.д. Они становятся типическими, и новые поколения «застают» их уже в готовом виде. Историческая память предполагает способность выявления в них особенностей мышления и мировосприятия людей прежних эпох, их надежд, страхов, волевых усилий и т.п. Особенным образом эта способность проявляется в периоды исторических коллизий, резкой смены эпох, когда прежние социальные формы начинают активно разрушаться. Именно тогда сознание обращается к осмыслению «личностного генезиса» этих форм, а это значит, - происходит «всплеск» исторической памяти. В эти же периоды, как известно, усиливается и процесс «вторжения» в историческую память народа, процесс ее идеологизации, появляются новые герои и развенчиваются прежние кумиры.

Память о собственном прошлом есть источник социокультурного опыта народа, иначе говоря, чем крепче, чем надежнее историческая память людей, тем богаче этот опыт, тем «более опытна» современность, и расхожие высказывания о возможности учиться жизни на ошибках прошлого имеют реальный смысл. Примечательно, что практически все современные массовые социальные движения и революции, политические процессы, в очередной раз ввергающие ту или

иную страну в общественный хаос, осуществляются, в общем-то, по одному сценарию, известному еще со времен Великой Французской революции. В том, что сегодняшнему человеку кажется, порой, эффективным и сверхновым, обязательно можно обнаружить архаические черты или предшествующие исторические формы. Действительно, «новое – хорошо забытое старое». Наверное, в этом, в частности, можно увидеть основание перманентного чередования на Западе и в России вплоть до настоящего времени доминанты либеральной и консервативной идеологий.

Историческая память выступает важнейшим условием существования национальной идеи и фактором становления социальной сплоченности. Без нее народ просто перестает быть самим собой и превращается в толпу «манкуртов» (образ, воссозданный из древних тюркских легенд Чингизом Айтматовым в романе «И дольше века длится день», буквально означает: «пленник, превращенный в бездушного раба, беспрекословно преданного хозяину и потерявшего связь со своими корнями, полностью забывшего о своей прежней жизни»).

«Нация – это душа, духовный принцип, – писал Э. Ренан. – Культ предков – самый законный из всех; предки сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом».[2. 101]

Вопрошание к прошлому, героизация прошлого и сострадание прошлому являются важнейшими, базовыми модусами переживания человеком истории.

Социокультурные предпосылки и факторы воспроизводства исторической памяти весьма многообразны. Помнить о прошлом, переживать свою личную причастность к истории, человеку, конечно же, помогают и само историческое знание, и традиции его народа и семьи, и различного рода нарративы и культурные артефакты, и памятные даты и праздники и т.д.

Однако, следует отметить, что значение этих факторов в некоторой степени условно. Способность духовного обращения человека к историческому прошлому зависит не от «совокупной массы» вложенной в его сознание исторической эмпирии, не от наличия, либо – отсутствия исторического знания как такового. Эти последние могут быть большими или меньшими, но сами по себе они ничего не дают человеку в его повседневности, являясь всего лишь отвлеченными фактами или схемами. Подлинное глубинно-личностное отношение к истории возможно только в процессе поиска человеком ответа на вопрос о смысле его собственной жизни, и глубина такого отношения зависит в первую очередь от ощущения человеком жизненной полноты или неполноты, от степени самодовольства человека, от желания или нежелания чему-то у кого-то учиться.

Во многом «градус» исторической памяти определяется особенностями той эпохи, в которой довелось жить человеку. Если самосознание эпохи выражено в чувстве упадка культуры, если общий ее настрой есть ожидание недалекого конца, то человек в такую эпоху видит в прошлом «лучшие времена», «золотой век». Если современность не дает человеку жизненной полноты, прошлое для него всегда – героическая эпоха, время славных дел, когда жизнь была, хоть и полна лишений, но – прекрасна. Более того, чем явственнее

он ощущает сегодняшнюю деградацию, тем сильнее тоска по прошлому.

Отсутствие героики и романтики «настоящего» компенсируется мифологизацией и героизацией прошлого. В исторической памяти прошлое – это всегда «мир, который был и ушел». Именно так сегодня воспринимает дореволюционное прошлое России, православное сознание, воочию видящее тотальность духовной деградации современности. Не иначе, как «временем наших благочестивых предков» называет оно эпохи от «Святой Руси» до имперских времен России. Именно как неизменный идеал воспринимали поколение своих героев-отцов мальчишки 1960-х, до слез завидовавшие отцам и сожалевавшие о том, что судьба не удостоила их родиться в годы великой войны.

Напротив, упоенное прогрессом и его плодами сознание, эпоха, которая слепа в отношении своего реального будущего, не видит перспективы своего падения, смотрит на прошлое как бы свысока, усматривая в нем лишь лестницу, ведущую в сегодняшний день, а людей прошлого – как «исторический материал», как субстрат для создания нынешнего поколения. Так, даже слово «современный» приобретает в такие эпохи свой новый оттенок. Быть современным в этом случае все более означает разрыв с прошлым, забвение традиций. Такое прогрессистское сознание видит в прошлом только «генеральные закономерности», для него трудно проникнуть в мысли и чаяния предков. Оно слишком «самодовольно». Но, повторим, это сознание не имеет рефлексии по поводу подлинных критериев прогресса и его последствий. Расхожие штампы типа: «Наши предки стремились к свободе, мы же достигли ее», или «Наконец, в наше время мы победили голод, болезни и т.д.», или «Это напоминает темное средневековье» и т.д. как нельзя более ярко выражают само-

довольство и самоуверенность современников. Однако, как известно, еще О. Шпенглер, А. Тойнби и др. показали, что такое самодовольство есть лишь показатель вырождения культуры и деградации самой человеческой жизни.

В современной российской социальной реальности историческая память, если и не стирается откровенно, как это было в преддверии распада СССР или в сегодняшней Украине, то зачастую подменяется клише типа «Никто не забыт, ничто не забыто!» или «Это нужно не мертвым, это нужно живым», которые ни к чему, в общем-то, не обязывают и образуют собой ту, говоря словами Х. Ортеги-и-Гассета, «... мешанину прописных истин, несвязных мыслей и просто словесного мусора, что скопилась по воле случая и навязывается везде и всюду...»[1. 67]

Современное массовое сознание зачастую воспринимает историческое прошлое человечества лишь как своеобразный анахронизм, до которого просто нет дела человеку, погруженному в стремительный ритм жизни и бурный поток новых технологий. Мы ощущаем превосходство над прошлым, а отсюда – равнодушие к нему. «Быть современным» сегодня зачастую означает изо всех сил стремиться поспевать за все ускоряющимся прогрессом. Однако, по мысли Ортеги, лишь те люди находятся «на высоте своего времени», которые «... слышат подземный гул истории, видят реальную жизнь в ее полный рост и отвергают саму возможность архаизма и одичания» [1. 91]

Современный прогресс уничтожает историческую память также и иным способом. В условиях прогресса повседневная жизнь все более видится человеку как лишенная различных трудностей. Совершенно не таковой виделась она людям прошлого. Современный же человек все менее склонен к преодолению трудностей. И его изнеженное сознание

требует, чтобы об этих трудностях ничто не напоминало. Поэтому трагизм истории – это не тот мотив, к которому современный человек склонен постоянно возвращаться в своем сознании.

Исчезновению исторической памяти способствует и «современный аморализм». Мы ведем речь в данном случае не об отсутствии всякой морали в обществе. Любая нормативность, как хорошо известно, выступает неотъемлемым регулятором социальных связей. Речь идет о невиданной, по крайней мере, до середины XX века непрерывной трансформации нравственных норм, об отвержении традиционной нравственности. То, что считалось безусловным проявлением зла еще в веке XIX-м, ныне приобретает характер вполне дозволенного. Так, вполне дозволенным с точки зрения обывательской морали является, например, беснование толпы, будь то толпа фанатиков-нацистов в «ночь длинных ножей» в Германии 30-х годов, толпа нынешних прибалтийских националистов или молодежная толпа на рок-концерте. Вполне дозволено ныне полностью обесценивающее личность суррогатное материнство, молчаливо одобряется так называемый «бытовой национализм» и мн. мн. др. В результате человек оказывается как бы «по ту сторону добра и зла», грань между которыми совершенно растворяется в его сознании. Но мораль всегда предполагает подчинение чему-либо. Традиционная нравственность именно и требовала от человека такого безусловного подчинения: четкое разграничение добра и зла ориентировало человека на однозначность нравственного выбора. Теперь, поскольку этот выбор практически полностью зависит от чисто субъективного понимания данных верховных категорий, человек исходит в своих мыслях и поступках из приоритетности своего «я» и из приоритета своих прав перед своими обязанностями.

Естественно, что историческое прошлое являет человеку высочайшие образцы именно нравственного поведения, сегодня зачастую только там, в прошлом, можно обнаружить, как, например, возможна подлинная совесть или как возможно настоящее чувство долга. Но если эти понятия выступают для человека лишь пустыми абстракциями, то духовное обращение его к исторической реальности – не просто пустая трата сил и времени, но даже процесс весьма болезненный.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 509 с.
2. Ренан Э. Что такое нация?// Ренан Э. Собр. соч. в 12-ти томах. Т.6. Киев, 1902. С.87-101.
3. Фромм Э. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр. 1998. 400 с. С. 189-389

ПРОБЛЕМАТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИМУЛЯКРОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Симулякр, образование, постмодерн, дигитальная нравственность

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам современного образования. Обосновывается позиция о том, что образование в обществе постмодерна превратилось в симулякр, практически уничтожено или подвергается уничтожению. Причиной деформаций и разрушения образования, резкого падения его качества является разрушение нравственных основ воспитания и обучения: замена духовно-нравственных ценностей принципами «дигитальной нравственности»: прагматизм, соперничество и отчуждение в отношениях между людьми разрушают образование и воспитание, превращая образование и образовательные реформы в симулякры.

Arpenteva Mariyam Ravilevna

THE PROBLEMS OF EDUCATIONAL SIMULARE

KEY WORDS: Simulacrum, education, postmodern, digital morality

ABSTRACT. The article is devoted to the problems of modern education. Substantiates the position that education in the postmodern society has become a simulacrum, virtually destroyed or are destroyed. The cause of deformation and destruction of education, the sharp decline of its quality is the

destruction of the moral Foundation of education and training: the replacement of moral values the principles of "digital ethics": pragmatism, rivalry and estrangement between humans are destroying education, transforming education and educational reform in the simulacres.

Современная цивилизация, в различных источниках нередко называемая «постмодернистской», представляет собой реальность, насыщенную многочисленными дилеммами, побуждающими образующих ее субъектов определиться с выбором: какую позицию занять в многообразии и почти хаосе ценностных ориентаций, социально-политических течений, какую социальную нишу выбрать и каковы будут последствия этих выборов. Современная эпоха часто называется магической: это эпоха «минималистской морали, свободной от каких-либо предписаний» постмодернистской неопределенности как множественности истины, алеаторного распространения ценностей.

Характеризуя специфику взаимоотношений в пространстве постмодерна, Ж.Бодриар [2] говорит о них как о симуляции: ни собеседников, ни смысла сообщений уже не существует. Симулякр – это имитация несуществующего. «Симулировать - значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле», «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации. Контакт ради контакта становится родом пустого самособлазна языка, когда ему уже просто нечего сказать». Однако, «В своей основе насилие, как и терроризм, не событие, а скорее отсутствие события, принимающее форму взрыва, направленного внутрь: взрывается политическая пустота (а не злоба той или иной группы людей), молчание истории (а не психо-

логическое подавление индивидуумов), безразличие, безмолвие» [1, с. 113].

Задача философа и педагога в этой ситуации – раскрыть, изобретать новые возможности жизни (перспективизм), позволяющие отделить симулякры от реальности [4]. Перспективизм как понятие позволяет объяснить образы и ценности современного мира, силы, которые в нем действуют (Недорога В.А., 2001), исходя из того, что этот мир обезбожен. По мере секуляризации принципы неотчуждаемых прав человека превратились в права индивидуума - вне его связи с Богом. Охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия и в требование гарантий определенного уровня существования личности и семьи от государства. В системе современного светского понимания гражданских прав человек трактуется как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Когда же материальные возможности не обеспечивают должного уровня жизни, то человеку неоткуда взять сил, необходимых для преодоления возникших трудностей, а помощи ждать неоткуда. Однако, согласно канонической модели, вне Бога существует лишь человек падший, далекий от идеала нравственного совершенства («се, Человек!»). Для нравственного сознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны прежде всего для того, чтобы, обладая ими, человек мог осуществить свое призвание к «подобию Божию», исполнить долг перед Богом и другими людьми.

Постмодерн отвергает эту модель, это - эпоха нигилизма, эпоха, наступившая после “смерти Бога”: “Мир для нас скорее еще раз сделался “бесконечным”, поскольку мы не можем ему отказать в возможности заключать в себе бесконечные толкования”. Уникальная и единственная перспектива, перспектива мира, заданная Богом, в сознании челове-

чества распалась, став лишь фикцией, вместе с нею и распалась иллюзия единства бытия, а затем - и само бытие. Открывшийся хаос, однако, можно толковать как лишь иной вид перспективности бытия, ждущий очередной обладающей волей к власти интерпретации. Сосуществование множества перспектив – реальных и потенциальных точек зрения определяется тем, насколько точно воля к власти каждого видящего направлена на мир и объекты, с какой силой она себя в них утверждает, пытаясь их завоевать. Даже вещь - лишь точка зрения на мир. Сражение идеологий вырастает в сражение людей. Сфера действия каждого субъекта пульсирует, то расширяясь, то сужаясь, смещается, будучи то господствующей, то подчиняющейся, вплоть до исчезновения, полной утраты воли к власти. Человека сменяет сверхчеловек как новая точка зрения по отношению к человеку. Однако, в варварском образовании, сверхчеловека заменяет его имитация, симулякр, нуждающихся лишь в симулякре образования, а не в образовании. Особенно явно это заметно в сфере гражданского образования, «павшего» жертвой симулякров постмодерна, современной магии пустых в смысловом отношении контактов, ранее остальных, и, вместе с тем, продолжающегося быть ареной групповых и индивидуальных сражений. Варварское образование и воспитание как один из ведущих компонентов воспитания, «оттолкнувшись» от идеи социального служения в настоящее время пришло к идее социального потребления, в список потребляемого включены само общество, его члены, включая человека, а также жизнь в целом [3].

Одно из наиболее важных измерений исследования развития общества связано с выбором между 1) социальным служением, альтруизмом, помощью другим людям, служению обществу в целях его совершенствования и гармониза-

ции, 2) социальной аномией и равнодушным «присутствием» в обществе как реальности, не требующей и не нуждающейся в развитии и преобразовании, и 3) социальным каннибализмом, связанным с потребительской ориентацией в отношении общества и его членов, нацеленностью на получение бесконечных персональных выгод, «голодные игры» с соперниками и подавление слабых. Совершая этот выбор, человек в большей или меньшей степени осознает, что последствия данного выбора окажутся решающими для его жизни, а также жизни его семьи, рода, общества. Вместе с тем, перспективы этих выборов существенно различны: социальное служение обеспечивает человеку, его семье, роду подчас трудное, но более или менее стабильное развитие, совершенствование. Выбор аномии – удовлетворение инстинкта защищенности при стратегическом «угнетении» инстинкта выживания, человек «жертвует» развитием рода и, во многом, семьи в пользу сиюминутного собственного комфорта и успеха. В случае социального каннибализма, пропагандируемого идеологией «голодных игр», под ударом в стратегической перспективе оказываются оба инстинкта – выживания и защищенности. Однако, на внешнем уровне, социальный каннибализм как нормативная стратегия жизнедеятельности правящей «элиты», позволяет достигать успехов, власти, «административный восторг» и даже псевдотворчества. Как писал Ю.Хабермас [5] преодоление «диктата необходимости», возможность жить в роскоши как избыточном, ресурсном состоянии, позволяет человечеству развиваться. Однако, «роскошь» выбравших нишу социального каннибализма «съедает» и так скудный ресурс нравственной позиции человека, полностью перекрывая возможности развития не только данного человека, но и его семьи и рода. Истинная «роскошь» возникает в процессе обмена - человеческого взаимо-

действия – привносящего в жизнь каждого из служащих друг другу новизну, неизвестную и не являющуюся насущной необходимостью как таковой. Дарение как компонент дискурса служения в постмодернистскую эпоху отражает «роскошь» человеческого бытия: в той мере, в какой субъект способен дарить и/или отдавать (добровольно или хотя бы принудительно), разделять с другим, что-то важное, ценное для него, в той мере он обеспечивает себе при внешнем «угнетении» инстинктов выживания и продолжения рода, свое, семьи и рода совершенствование.

Социальная аномия как мир равнодуший, мещанского отрицания чьих-либо нужд и желаний, кроме собственных, как известно, является опорой фашистских режимов и течений. Различие лишь в том, что в фашизме прошлого социальный каннибализм не был поставлен как организующая идея отношений человека с обществом – в центр: она существовала «наряду» с остальными идеями, включая «евгенику» как идеологию превосходства, служившую основой решения о рациональности и легитимности подавления и уничтожения других. В социальном каннибализме легитимность не требуется: подавление и уничтожение других есть «смысл в себе», самостоятельная, антигражданская идеология. Аномия является псевдогражданской идеологией, истинно гражданской является лишь социальное служение, еще только начинающее свое становление, в том числе в воспитании.

Термином социальное служение, как правило, обозначают деятельность, осуществляемую общественными организациями и добровольцами, благотворителями, в отличие от социальной работы, выполняемой государственными организациями. Служением принято называть определенный род человеческого делания, которое может осуществляться в любой человеческой деятельности, но отличается по внутрен-

нему содержанию, идеологии и мотивации. Принцип служения был всегда известен в человеческом мире и означал выполнение человеком предусмотренных определенной процедурой действий, более или менее вынужденных по необходимости для другого лица, высшего по иерархическому, имущественному, возрастному и т.п. признакам. В служении личность может увидеть и пережить как ценность собственное бытие и бытие других личностей, собственной семьи, своего народа. В служении личность обретает гораздо возможности осуществления себя в соответствии со своим предназначением. Тогда создается подлинная жизнь человека, ответственность любви, благотворения. Наиболее простым видом социального служения является обычная взаимопомощь. Самые простые ее виды - аналоги видов подвижнического служения. Во-первых, потому, что в них проявляется любовное отношение к другому лицу. Во-вторых, забыв о себе, человек видит перед собой лицом к лицу человека другого и его нужду. В-третьих, потому что стремится исполнить нужду этого человека и помочь ему, послужив необходимым образом. Благотворительность – проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему, немощному. Благотворительность – общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организации, обществ и т.д. В их основе - стремление проявить любовь не только к ближнему, но и к незнакомому человеку, оказать безвозмездную помощь нуждающимся и социально незащищенным гражданам. В современном понимании благотворительность означает предоставление помощи лицам и организациям, участие в улучшении жизни больных и бедняков, немощных и отвергнутых жизнью. Она подвижна милосердием. Милосердие - это инициативное, активное прояв-

ления к человеку сострадания и любви. Состояние, когда милосердным человек становится не во имя себя или даже другого, а «ради Христа», ради жизни. Милосердие побуждает заботиться о благополучии и спасении ближнего. Оно существует благодаря возникающим в процессе взаимодействия людей «конъюнктивным» переживаниям – объединяющим и сближающим, сорадованию, состраданию.

Служение – это «служение любви»; совершая социальное служение, человек жертвует, страдает, помогая понять тайну страдания – «полюбить свою болезнь» больным; делает дела милосердия – совместные дела всех добровольцев, подлинное служение осуществляется в тайне, «не пиаром, а подвигом». С понятием "социальное служение" ассоциируются такие слова как социальная помощь, взаимопомощь, благотворительность, милосердие, гуманизм, волонтерство, альтруизм, толерантность и т.д

Добровольческая деятельность — это форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан добровольцев.

Она включает миротворчество – деятельность, направленную на преодоление конфликтов, возникающих между различными группами населения по этническим, религиозным, культурным признакам, правозащитную деятельность - защиту прав человека, поддержку и защиту тех, чьи права нарушаются и кто не может их защитить по различным причинам, социально-психологическую и гуманитарную поддержку - оказание помощи в формировании социально значимых качеств, в развитии жизненно важных навыков и уме-

ний, включая ликвидацию неграмотности, информирование, пропаганду культуры.

Однако государство мало внимания обращает на развитие общества и внедрение законов, отстаивающих нравственность. Поэтому серьезных препятствий распространению античеловеческой идеологии в постсовременном мире не много: лишенное нравственных опор гражданское сознание быстро исчезает: человек фокусируется сначала на своей семье, потом – на собственной выгоде, потом – на сиюминутных удовольствиях. В основе давления, которому подвергаются нравственные ценности населения, лежат два следующих момента: крушение системы регулирования индивидуальных желаний, в результате чего личность начинает хотеть больше, чем она может добиться в рамках данной социальной структуры. Это приводит к попыткам изменения структуры, переходу от общества «развитой демократии» к откровенному рабству и геноциду. На стадии социального каннибализма регулирование индивидуальных желаний выражается лишь в том месте, в котором начинает рушиться семья и род социального преступника: включаются механизмы саморегуляции, оборачивающие деструкцию в отношении других людей против тех, кто занимался ею, а также – укрепляющие позиции тех, кто жертвовал и служил, соблюдая нравственные нормы, даже перед лицом смерти и невозможности непосредственного воспроизводства.

В процессе вузовского воспитания демонстрация студентам важнейших точек «трифуркации» - выбора между тремя выделенными идеологическими структурами, осмысление возможностей и издержек массового образования в рамках каждой из систем, позволяет хотя бы отчасти снять основные проблемы, могущие возникнуть в процессе профессионального и личностного становления и развития.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. - С. 113
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Мазурова Л. Потребитель нынче в дефиците? // Литературная газета. – 2008. – №32. – 8 августа.
4. Недорога В.А. Перспективизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.3. / Под редакцией В. С. Стёпина. - М.: Мысль, 2001.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 410 с.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Когнитивный подход, система языка, когнитивная лингвистика, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена когнитивным аспектам языка. Автор рассматривает особенность когнитивной лингвистики как способа хранения информации о мире, особенностей национальной лингвокультуры.

Babikova Marina Rashitovna

COGNITIVE ASPECTS OF MODERN PHILOSOPHY OF LANGUAGE

KEY WORDS: Cognitive approach, system of language, cognitive linguistics, case text, case statement, case situation, case name.

ABSTRACT. Article is devoted to cognitive aspects of language. The author considers feature of cognitive linguistics as way of storage of information on the world, features of a national lingvokultura.

Язык – многомерное и сложное образование. Как важнейшее средство общения, он входит в предмет исследования коммуникативной лингвистики; это существенный способ преобразования мира и регулирующий фактор, он исследуется прагмалингвистикой; как составная часть и орудие

культуры он изучается лингвокультурологией и т.д. Но язык еще и главный инструмент упорядочения мира посредством его категоризации, т.е. выделения имен категорий. Язык - это не только средство категоризации и важнейшее хранилище коллективных знаний, но язык – это еще и инструмент присвоения нового знания через использование тропов. Одновременно язык – «зеркало» человека, его внешнего и внутреннего мира, психологический феномен, часть сферы сознания, но также и отражение подсознания. Язык еще и инструмент самовыражения, самореализации и т.д. Каждый из этих сторон языка может исследоваться особой отраслью лингвистики. О существовании некоторых из них уже известно, например, когнитивная лингвистика, возникновение других - дело будущего.

Когнитивный подход к изучению языковых реалий на рубеже XX-XXI веков определил появление антропоцентрической парадигмы в языкознании, что позволило по-новому подойти к изучению языка. Указанный подход ориентирован на потребности общества в информации о человеческой жизни, с ее социальными, психическими и этнокультурными характеристиками. По определению Н.Н. Болдырева, когнитивная лингвистика - это «одно из самых современных и перспективных направлений лингвистических исследований, которое изучает язык в его взаимодействии с различными мыслительными структурами и процессами: вниманием, восприятием, памятью...» [1, с.3]. Определяя язык в рамках когнитивной лингвистики ученые - когнитивисты подтверждают идеи В. фон Гумбольдта о языке и его взаимодействии с человеком. Язык является основой всех остальных видов человеческой деятельности. Так, В.А. Маслова говорит о том, что «язык - это вербальная сокровищница нации, средство передачи мысли, которую он “упаковывает” в некую

языковую структуру. Знания, используемые при этом, являются знаниями не только о языке, но и о мире, о социальном контексте, знания о принципах речевого общения, об адресате, фоновые знания» [6, с. 4]. О том, как хранятся знания о мире, о том, как они структурированы в языке и в процессе коммуникации в своих работах представляют и другие ученые: Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Г.И. Берестнев, Г.А. Волохина, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, А.П. Чудинов.

Когнитивная лингвистика является интегрированной наукой, установившей связь как с психологией вообще, так и с когнитивной психологией в частности. Когнитивная психология акцентирует внимание на том, «как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение» [8, с. 28]. Специфика когнитивной лингвистики, по словам Е.С. Кубряковой, «связана с изучением языка как общего познавательного механизма, как когнитивного инструмента – системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [5, с. 53]. При этом основной задачей когнитивной лингвистики является «описание и объяснение языковой способности и/или знания языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего - слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящего из конечного числа самостоятельных модулей и соотносящая языковую информацию на различных уровнях» [5, с. 53].

Появление когнитивной лингвистики предоставило возможность с другой стороны подойти к вопросам описания мира и к вопросам создания средств такого описания.

Одним из способов хранения информации можно назвать введенное в научный дискурс Ю.Н. Карауловым понятие прецедентности. В 1986 году ученый дает определение термину «прецедентные тексты, под которыми понимается «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216].

Появление термина «прецедентный текст» повлекло за собой возникновение других явлений прецедентности: прецедентное высказывание (Ко-стомаров, Бурвикова 1994), прецедентное имя (Гудков 1998), прецедентный феномен и прецедентная ситуация (Красных и др. 1997), концепт прецедентного текста (Слышкин 2001), прецедент культурного знака (Пикулева 2002), текстовая реминисценция (Супрун 1995), логоэпистема (Костомаров 2001), но следует отметить, что представленный феномен до сих пор не получил четкого определения, это связано со сложностью и разноплановостью понятия прецедентности.

Взятая за основу дефиниция, предложенная Ю.Н. Карауловым, в науке получила распространение и расширение границ определения прецедентности. Так, группа московских лингвистов во главе с В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко выделяют следующие признаки ПФ: 1) хорошо известные всем представителям национально - лингво - культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества

[4, с. 44]. Вышеуказанные признаки, предложенные первыми последователями Ю.Н. Караулова, вызвали диссонанс среди ученых - когнитивистов.

Нахимова Е.А. говорит о необязательности такого критерия как общеизвестность: «критерий общеизвестности неосторожен, так как интеллектуальный и культурный уровень граждан, сферы их интересов различны» [7, с. 169]. С данным утверждением невозможно не согласиться, это обусловлено, в первую очередь, разнородностью слоев населения и разным уровнем культурного образования.

Единицами системы ПФ считаются: прецедентный текст (ПТ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентная ситуация (ПС) и прецедентное имя (ПИ). Связь между указанными единицами тесная, актуализация одного из них приводит к актуализации нескольких остальных. (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева).

Подводя итог, следует отметить, что теория прецедентности выходит за рамки такой науки как философия и ее подробное изучение требует пристального внимания. Однако если мы обратимся к истокам возникновения указанной теории, все равно обнаружим тесную связь с философией, породившей многие другие научные направления.

Литература:

1. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – Изд. 2-е, стер. – 123 с.
2. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–117.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.

4. Красных, В.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.Б. Багаева // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
6. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
7. Нахимова, Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е.А. Нахимова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 13. – Екатеринбург, 2004. – с. 166–174.
8. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – Пер. с англ. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семiotические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
10. Флоренский П. Мысль и язык / Соч.: Т. 2. М., 1990;
11. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Контекстный подход, философия образования, глобализация, кризис идентичности, идеология

АННОТАЦИЯ. В статье определяются философские основания современного образования. Ставятся задачи методологического характера. В качестве методологической основы образования называется контекстный подход. Выявляются основные аспекты данного подхода. На основе проведенного исследования выдвигается идеологическая основа современного образования.

Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna

CONTEXTUAL APPROACH IN FORMATION OF IDEOLOGY OF MODERN RUSSIAN EDUCATION

KEY WORDS: The contextual approach, philosophy of education, globalization, crisis of identity, ideology

ABSTRACT. The article identifies the philosophical foundations of modern education. The goals of a methodological nature. As a methodological basis of education is called the contextual approach. Identifies the main aspects of this approach. On the basis of the study put forward the ideological basis of modern education.

Одним из важнейших направлений модернизации современного российского образования, на наш взгляд, является модернизация его идеологии. Термин «идеология» имеет сравнительно краткую историю. Впервые он стал использоваться в начале XIX века французским философом и экономистом Дестютом де Траси, а также французским биологом И. Кабанисом, которые понимали под идеологией учение об идеях [5, с.199]. В середине XIX века К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» трактовали идеологию как ложное сознание, имея в виду идеалистическую философию, рассматривающую идеи в качестве первоосновы мира. Затем у последователей Маркса появилось противопоставление научной идеологии, основанной на признании вторичности идей, их зависимости от общественного бытия, и ненаучной идеологии, утверждавшей первичность идей. В современной трактовке под *идеологией следует понимать систематизированное и теоретизированное ценностное сознание, в котором представлено отражение общественного бытия через призму потребностей и интересов субъектов социального действия и взаимодействия.*

Понятие «идеология» тесно связано с понятием «мировоззрение», их объемы пересекаются, но далеко нетождественны. *Мировоззрение* – это совокупность взглядов человека на мир (природный и социальный) и свое место в нем. Оно включает в себя мироощущение и мировосприятие, обобщенные знания о мире, убеждения, совокупность терминальных и инструментальных ценностей, среди которых особое место занимают идеалы, носит зачастую стихийный, несистематизированный характер. Идеология же не возникает стихийно, имеет систематизированный и концептуальный характер, создается идеологами-теоретиками, отражает лишь общественное бытие и носит сугубо ценностный характер,

поскольку служит формой осознания и обоснования интересов социальных субъектов. Как отдельного человека невозможно представить без мировоззрения, так и общество не может существовать без идеологии, ибо *идеология как система ценностных ориентиров, выраженных в теоретической форме, задает и обосновывает программу, стратегию и тактику действий социальных субъектов во всех сферах общественной жизни, в том числе и в образовании. Отсюда всякие призывы к деидеологизации - утопичны и вредны. Они чреваты ценностным хаосом, социально-культурными рисками деструктивности социальных взаимодействий и дестабилизации общества.* Другое дело – модернизация идеологии, которая абсолютно необходима в эпоху исторических перемен и кризисных состояний общества.

Сегодняшний кризис, охвативший образование в России, особенно в аспекте воспитания, настолько глубок и многогранен, что, по нашему мнению, актуально и возможно еще и еще раз говорить о необходимости новой идеологии образования, с новыми ценностно-мировоззренческими установками, которые отражали бы современные реалии движения российского образования к новому качественному состоянию, соответствующему потребностям современного глобализирующегося мира в целом, и российского человека и культуры, в частности.

Первый шаг в этом направлении видится в том, что бы определить философские, предельные основания современного образования. Полагаем, что решение проблемы должно опираться на сложную систему философско-методологических оснований, среди которых наиболее значимыми представляются методологические принципы, позволяющие преодолеть линейное мышление и интеллекту-

альную однобокость, которые могут стать основой для серьезных разрушительных процессов.

В этой связи одной из важных задач философии образования является определение методологических подходов и принципов формирования идеологии современного российского образования. В данной статье есть возможность остановиться лишь на одном из них – на *контекстуальном* подходе и его значении для разработки идеологии современного российского образования.

Контекстный подход является методологической установкой философской герменевтики, справедливо утверждающей, что смысл текста зависит от контекста (Ф. Шлейермахер, Г. Гадамер). Другими словами, ценности и смыслы образования задаются конкретно-историческими социокультурными реалиями его существования.

Реализуя контекстный подход в анализе идеологии современного российского образования, необходимо, прежде всего, указать на такие влиятельные контексты переоценки ценностей в сфере образования, как *кризис современной цивилизации и процессы глобализации*. Осознание их особенностей начиналось с понимания опасных последствий техногенного развития – глобальных проблем физического выживания человечества. В последние годы акцент смещается в сферу культуры. Корни мирового цивилизационного кризиса усматриваются в глубинных процессах, происходящих в фундаментальных основаниях культуры, в духовном мире человека и человечества, «дефектах человеческого сознания».

В аспекте глобализации контекст модернизации идеологии современного российского образования связан, прежде всего, с тем, что происходит формирование не только единого экономического, политического, языкового, но и образо-

вательного пространства, для которого должна быть характерна непрерывность образовательной среды, универсальность которой достигается путем своеобразной экспансии единых методов и технологий обучения на все большие территории. Европейский союз на основе Болонского соглашения создает сейчас единую образовательную сеть, которая строится на основе международных стандартов образовательных технологий. И здесь нельзя не обратить внимания на один из вызовов современности, который состоит в том, что благодаря новейшим, прежде всего, информационным технологиям современные образовательные системы ориентированы на технологичность в ущерб содержательности. Особенно это касается гуманитарных дисциплин, где информационные технологии позволяют бездумно скачивать материал, а тесты не позволяют развить способность самостоятельно мыслить и рассуждать. Именно в сфере технологий идет речь о новациях, которые расцениваются исключительно со знаком плюс в отличие от всего традиционного. Инновационные компьютерные технологии в образовании становятся синонимом качества обучения, и из эффективного инструмента и средства образования превращаются в массовом сознании в цель. Сциентизм, рационализм, техницизм, формализация культуры и замена ее технологией способны принести больше вреда, чем пользы. В информационном обществе фактически нет никаких препятствий для разрушения ментальной среды, сферы сознания и духа пропагандой «ценностей» общества потребления, где реально только обладание материальными благами, где удовлетворение утилитарных потребностей значимее, чем стремление к человеческим духовным ценностям, где следование принципам общечеловеческой и национальной морали и нравственности постепенно уходят в прошлое. Только сформированный куль-

турой внутренний духовный фильтр может спасти современного человека от разрушительного прагматизма, поклонения «золотому тельцу», безудержного потребления.

Если проанализировать социокультурные контексты и выявляющиеся перспективы развития реально функционирующего на сегодняшний день российского образования, то становится очевидным, что мы живем в условиях риска получить денационализированную систему образования. Образование, становясь технологичным и прагматичным, утрачивает функцию формирования национальной культуры, занимаясь лишь приготовлением к профессиональной деятельности, а навязываемые императивы глобализма, интеграции и геополитики ограничивают возможность выбора мировоззренческо-идеологических ориентиров образования в интересах национального развития. Образование из социокультурного феномена, призванного осуществлять культурное развитие личности в контекстах национальной культуры и диалога культур, по сути дела вовлекается в контекст монологичности во имя унификации и технологизации. В ходе индустриального и постиндустриального развития техника и технология оказались важнее культуры. Создаваемая только как средство для достижения конкретных прагматических целей, к началу XXI века технология стала самодостаточной и вездесущей, имеющей свои собственные цели и направления развития, не совпадающие с духовным развитием личности.

Естественно напрашивается вывод о том, что *современная идеология отечественного образования должна быть выстроена в контексте своей культурной традиции и своих национальных интересов*. Национальная культура в отличие от народной не передается от поколения к поколению естественным путем, а усваивается через систему обра-

зования. Через систему образования, усваивая специфические черты своей культуры, ее смыслы, ценности, язык, человек обретает культурное отношение к своим истокам, формирует собственное уникальное культурное пространство и собственную культурную идентичность. Именно культурная традиция представляет собой актуализацию ценностно-смыслового потенциала культуры, посредством которой индивид и общество получают возможность своего самоопределения в мире.

В условиях кризиса идентичности российского общества, когда утрачены наработанные мировоззренческие идеалы и ценности предшествующего исторического периода, проблема воссоздания духовного культурного стержня культурной традиции становится центральной. Более того, российский социум стоит перед выбором определенной стратегии самоидентификации: обращение к западным образцам техногенной цивилизации с присущими ей образовательными парадигмами и образцами глобальной массовой культуры или органичное обращение к собственной культурной традиции, ее актуальным компонентам. Очевидно, что механическое соединение двух традиций невозможно.

Однако другой аспект контекстуального подхода к определению идеологии современного российского образования связан с тем, что процесс модернизации образовательной системы в России должен проходить с учетом *международных социокультурных и геополитических контекстов*. В поисках новой идеологии развития российского образования важно не только создать условия для полноценного приобщения человека к сокровищам отечественной культуры, но и дать возможность открытого диалога с традициями мировой культуры. Очевидно, что только в этом контексте образование выступает как важнейший канал трансляции

как общекультурных ценностей, так и ценностей национальной культуры, как способ формирования определенного менталитета и чувства причастности к своим корням и истокам, чувства патриотизма и гражданственности.

Все это актуализирует проблему идеологических ориентиров российской образовательной системы, *смысла и идеала российского образования*, а отсюда начинается огромное пространство философско-педагогического дискурса о традициях и новациях в современном образовании, о его содержательности и технологичности, духовности и прагматичности. Н. Данилевский определил смысл образования в репродукции и развитии сущностных черт культурно-исторического типа на уровне личности, народа, государства. Лишь такой путь способен вывести образовательную систему на уровень общечеловеческий, а значит универсальный. Только свою культуру человек может освоить в полной мере, в отличие от инокультуры. Отечественная система образования в лучших ее традициях позволяет противостоять превращению образования в механический акт овладения информацией, замене учителя компьютером, вытеснению фундаментальной профессиональной и общекультурной подготовки специалиста узко технологическими, прикладными навыками, умениями, компетенциями. В самой ментальности отечественного образования заложен не столько поиск технологических рецептов, сколько определение смысложизненных и нравственных ориентиров, которые дает духовная культура как квинтэссенция культуры в целом, как противостояние от распада национально-культурной идентичности.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что идеология современного российского образования должна ориентировать познающего субъекта не столько на формальное усвоение суммы знаний, зафиксированной в том

или ином образовательном стандарте, сколько нацеливать школу и учащегося на ценностно-смысловое постижение мира, развитие его индивидуальности, мира его чувств, ценностного сознания, способности самостоятельно определить свое место в мире без утраты своей культурной идентичности.

Литература:

1. Беляева, Л. А., Летягин Л.И. Педагогическая теория и педагогическая идеология: общее и особенное // Педагогическое образование в России. -2014. - № 11.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМООБУЧЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Технология взаимообучения А.Г. Ривина, герменевтика, образование

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу различных форм педагогической деятельности. В частности, в ней рассматривается технология взаимного обучения А.Г. Ривина. Философской основой педагога является герменевтика. Проанализированные методологии представлены как полностью соответствующие ФГОСу.

Berseneva Oksana Mihailovna

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF LEARNING TECHNOLOGIES

KEY WORDS: Technology learning A. G. Rivin, hermeneutics, education

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of various forms of pedagogical activities. In particular, it looks at the technology mutual learning A. G. Rivin. The philosophical basis of teachers is hermeneutics. Analyzed the methodology is presented as polnostu relevant to the FSES

Истории мировой педагогической мысли и практики обучения известны самые разнообразные формы организации обучения. Нас заинтересовал успешный педагогический опыт А.Г. Ривина (1878 - 1944), который в 1918 году провел на Украине необычный эксперимент. В течение одного года

А.Г. Ривин вел занятия с разновозрастными (от 10 до 16 лет) детьми на хуторе Корнин. Известно, что были достигнуты высокие результаты в обучении. Каждый ученик освоил учебный материал за 3–4 летний курс. Обычные сельские школьники научились рассуждать, доказывать, дискутировать, анализировать сложные тексты по философии, литературе, истории, проявляли педагогические способности. Впервые в истории отечественной педагогики обучение проходило в парах сменного состава [3].

В современных условиях технология взаимообучения Ривина может быть использована для изучения научного текста и деловых статей. Особенностью является поабзацная проработка текста в парах сменного состава, где возможны разные варианты работы в парах (статичная, динамичная, вариативная). Одновременно происходит изучение разных тем. Каждый ученик имеет свою отдельную тему (текст), которую он прорабатывает поабзацно в парах (каждый абзац в новой паре), выступая поочередно, то в роли ученика (слушателя), то в роли учителя (рассказчика). В самом начале перед каждым учеником ставится цель: понять содержание текста (абзаца) так, чтобы уметь его рассказать, выделить главную мысль каждого абзаца, озаглавить и ответить на вопросы.

Философской основой технологии взаимообучения является герменевтика (греч. "hermeneutikos" - разъясняющий, истолковывающий).

Название этого раздела философии происходит от имени олимпийского бога Гермеса: "hermeneia" – "толкование". Гермес вошел в мифологию как изобретатель языка и письменности, а также вестник богов; он выполнял посредническую функцию между богами и людьми, между живыми и мертвыми, воплощая собой звено опосредования. Гермес был и богом торговли: торговля велась между разными народами,

и торговец, чтобы понимать другого человека, должен был уметь разговаривать на его языке. Поэтому Гермес всегда был и богом переводчиков, богом толкователей (“толмачей”), тех, кто переводит текст с одного языка на другой и дает возможность одному человеку понять другого.

Понятие герменевтики как искусства истолкования, интерпретации, понимания текстов имеет давнюю историю и восходит своими корнями к античности. Так, во времена Платона и Аристотеля под ним понималось искусство толкования книг Гомера («Илиада», «Одиссея»).

В христианские Средние века, под герменевтикой понималось умение толковать тексты Священного Писания. Тогда складывались традиции, которые способствовали разъяснению и истолкованию текстов, и лежали в основе перевода текстов с языка одной эпохи на язык другой эпохи. Другое название – ЭКЗЕГЕТИКА (от греч. exegetikos – разъясняющий).

Заслуга обоснования герменевтики как универсальной науки истолкования любых текстов принадлежит немецкому философу Фридриху Шлейермахеру, который (уже в Новое время) прославился истолкованием книг Платона. Шлейермахер выделял в текстах предметно-содержательный и индивидуально-личностный аспекты. Содержание текста, т. е. то, что описывалось, было противопоставлено выражению текста, т. е. тому, как описывалось событие, особенностям стиля изложения, проставлению акцентов в тексте и т. д. Главное в герменевтике, как считал Шлейермахер, понять не предметное содержание, выраженное в мысли, а самих мыслящих индивидов, создавших тот или иной текст. Кто есть автор и зачем он всё это говорит. Последний аспект получил названия выразительного и долгие годы был собственным предметом понимания и толкования. [7]

Как философская концепция герменевтика актуализировалась в середине XX века в исследованиях немецкого философа Мартина Хайдеггера (1889–1976) и получила систематическое обоснование в работе «Истина и метод» другого немецкого философа – Ханса Георга Гадамера (1900–2002). В рамках философской герменевтики быть - означает понимать. Тем самым формируется новая философская онтология, ядром которой выступает понимание как форма данности мира человеку. С этим связано принципиальное значение процедуры истолкования, интерпретации как способа понимания человека человеком. Согласно Х.-Г.Гадамеру, «понимание есть в первую очередь взаимопонимание». Понимание становится проблемой тогда, когда нарушается взаимопонимание и возникает рефлексирующий вопрос о том, как другой, которого нужно понять, пришел к своей точке зрения. Для понимания другого важно исключить предрассудки, предвзятость, быть открытым для принятия иной точки зрения. Поэтому понимание есть не столько поиск истины, сколько раскрытие смысла непонятого текста. Понимание выполняет важную коммуникативную функцию, поскольку расширяет внутренний мир личности. Оно возможно только тогда, когда текст понимается с учетом контекста, задающего смысл, и подтекста, той почвы, на которой вырастает возможность взаимопонимания. [2]

Георг Гадамер своей книгой "Истина и метод" (1960) дал мощный импульс развитию герменевтики в XX в. Понимание для него – не только научный метод, но и способ бытия самого человека, открывающий ему мир. Процесс понимания идет по герменевтическому кругу, в котором частное должно объясняться исходя из целого, а целое – исходя из частного. Поэтому необходимы нацеленные на смысловое

целое "проективные суждения", которые должны быть, однако, осознанными и поддающимися исправлению.

Проблема понимания, как она решается Гадамером, означает, что обращение к любому тексту требует, прежде всего, "опыт осмысления – осмысления, непрестанно продолжающего выражать себя средствами языка, осмысления, никогда не начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности".

Гадамер оставляет за каждым интерпретатором не только способность, но необходимость личного прочтения текста, его переосмысления и переоценки, или "переписывания". Интерпретация текста состоит не в воссоздании первичного авторского текста, а в создании собственного Авторского Текста, источником которого Гадамер усматривает собственный – герменевтический – опыт. Этот опыт является основой, которая задает алгоритм понимания. Опыт "Я" становится отправной точкой формирования горизонта – горизонта понимания. Цель понимания, по Гадамеру, состоит не в должной интерпретации текста, не в реконструкции идей и мнений интерпретируемого, но в активизации собственных мыслительных процессов через формирование диалоговой вопрос-ответной системы. Интерпретация текста становится продуктивной, творческой стороной герменевтического опыта.

Согласно французскому философу Полю Рикеру, в европейской культуре имеет место конфликт между пониманием и объяснением, связанный с разрывом между природой и духом. В работе «Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике» Рикер интерпретировал понимание как умение переноситься в другую жизнь. [4] Поэтому понимание имеет принципиальное значение для гуманитарно-экзистенциальной сферы, поскольку проникновение в мир

духовного, в отличие от познания природных закономерностей, невозможно только на основании процедуры объяснения. Тем самым П. Рикер выдвинул идею о воссоединении различных форм постижения бытия, концептуальном единстве наук о природе и духе.

В широком смысле, герменевтика – наука о познании как о понимании. Не о вскрытии сущности (классический подход гносеологии), а именно о первичном и изначальном понимании как сопереживании происходящего. Понимать, т. е. переживать как собственную возможность, можно только другого человека, а не вещь, поэтому понимание – орган только исторического, но не естественнонаучного рассмотрения.

Понимание и истолкование – самые фундаментальные структуры того, что принято называть познанием.

В настоящее время в герменевтике понятие "текст" рассматривается предельно широко: от письменной формы в рамках естественного языка до записи текста в любой знаковой системе, от формы живого высказывания до выражения чувств и эмоций, выраженных в форме восклицаний (междометий), "текст" – это любая информация между двумя субъектами понимания: письменный текст, устный текст (речь), интонация, взгляд, жест, молчание.

Спецификой герменевтики является установление связи и определенных отношений – понимания – между двумя субъектами понимания: интерпретатора и интерпретируемого, принадлежащих, как правило, к разным культурам, а если к той же самой культуре, то имеющих различные личностные ориентации и установки.

Таким образом, представленные выше взгляды философов, могут быть положены в основу развития технологии взаимообучения при работе с текстом, в рамках нового феде-

рального государственного образовательного стандарта начального общего образования.

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования / М – во образования и науки Рос. Федерации. – М. : Просвещение, 2010. – 31 с.
2. Гадамер Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988.-704 с.
3. . Кукушин В.С. Теория и методика обучения /В.С Кукушин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 474,[1] с. – (Высшее образование).
4. Рикёр.П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. - <http://e-libra.ru>.
5. Герменевтика: история и современность. М., «Мысль». 1985.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время/ Пер. с нем. В. В. Бибихина — СПб.: Наука, 2002.
7. Шлейермахер Ф. Герменевтика. Перевод с немецкого *А.Л. Вольского*. Научный редактор *Н.О. Гучинская*. — СПб.: «Европейский Дом». 2004. — 242 с.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-НАРРАТИВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Персональная идентичность, персональный нарратив, персональный интернет-нарратив

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме обретения персональной идентичности. Определяется одно из современных средств обретения персональной идентичности – персональный интернет-нарратив, анализируются его сущностные характеристики.

Blinova Olesya Aleksandrovna

PERSONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF PERSONAL INTERNET-NARRATIVE

KEY WORDS: Personal identity, personal narrative, personal internet-narrative.

ABSTRACT. Article is devoted to the problem of gaining personal identity. Is determined by one of the modern means of gaining personal identity – personal internet-narrative, analyses its essential characteristics.

Вопрос обретения персональной идентичности всегда был важен для человека. Персональная идентичность – качество личности, позволяющее ей воспринимать себя как уникального, самодостаточного субъекта во всем многообразии своих физических и ментальных характеристик. Другими словами, обретение персональной идентичности позволяет

узнать себя, своё Я, осознать свою неповторимость. Персональная идентичность нужна любому человеку, так как любой человек стремится узнать себя, свои характеристики, то, чем он отличается от других.

Современная социальная ситуация ставит возможность обретения персональной идентичности под вопрос. Современное общество характеризуется мозаичностью, подвижностью. В нем более не существует абсолютных, неизбывных положений. Все изменчиво, все подвержено постоянной корректировке и реформированию, будь то политические или экономические элементы жизнедеятельности общества, и вплоть до морально-нравственных принципов. Современное общество и к качеству личности предъявляет иные требования. В предыдущие периоды развития общества человек в процессе социализации, образования, воспитания становился всесторонне развитой личностью, которая могла находить решения и действовать в различных жизненных ситуациях. Человек был инкорпорирован, то есть, включен в определенную социальную группу, коллектив, и принадлежность к этой группе была достаточно устойчивой, чтобы помочь человеку ответить на вопросы: «кто Я?», «каково мое предназначение и цель моего существования?». Современный человек воспитывается и формируется как узконаправленный специалист с определенным набором компетенций, где компетенции – это определенный набор требований, предъявляемый к человеку, реализующему определенную социальную роль. Компетенции позволяют решать различные задачи и проблемы в рамках профессиональной деятельности данного субъекта. Но, как уже говорилось, современное общество находится в постоянном процессе изменения, совершенствования, реформирования, и невозможно сформировать такие компетенции, которые будут действенны в

любой момент времени и в любой ситуации. В результате в современном обществе происходит постоянная спецификация и конкретизация социальных ролей. Человек в таком обществе представляет собой профессиональную функцию, которая требует постоянного обновления. В результате возникает кризис персональной идентичности, так как человек не в состоянии сказать о себе «я есть тот-то и тот».

На наш взгляд, практически единственным способом обрести персональную идентичность в современных условиях является персональный нарратив. Персональный нарратив – это механизм обретения персональной идентичности, заключающийся в повествовании своей жизненной истории. В современной ситуации, ситуации развития сети Интернет и связанных с ней электронных социальных возможностей, персональный нарратив обретает новую форму – форму персонального интернет-нарратива. Суть его заключается в том, что человек, используя различные интернет-средства, сам формулирует свою жизненную историю и представляет её таким образом, каким ему это видится удобным, выгодным, необходимым. Сегодня наиболее популярными интернет-ресурсами для презентации своей жизненной истории и своей биографии, являются социальные сети (odnoklassniki.ru; vk.com), блоги, Instagram, Facebook и пр. На данных ресурсах человек не просто представляет свою жизненную историю, биографию так, как она ему видится, определяет для себя желаемую социальную роль, но и дополняет ее фото, видео и аудиодокументами. При этом из этих данных человек выбирает те, которые характеризуют его нужным для презентации его Я образом, и располагает он их, опять-таки, в необходимом ему порядке. Поэтому даже, если несколько пользователей выложат в сеть одну и ту же фотографию, аудиозапись или видеофайл, репрезентовать она их будет по-

разному, так как будет снабжена авторским оформлением и комментариями.

Персональную идентичность, обретаемую посредством интернет-ресурсов, часто считают упрощенной, кодовой, где нет ничего сокровенного и интимного, где все выставлено на показ. На наш взгляд, вся жизнь в современном обществе лишена интимности: биометрические паспорта, камеры видеонаблюдения, гемокоды, все это обнажает нас и делает доступными для нарушения границ нашей интимности. Персональную идентичность, обретаемую в сетевой реальности, упрекают в недолговечности: есть аккаунт – есть идентичность. Но опять же, современная ситуация не предполагает ничего долгосрочного и уж тем более вечного. Все, что создается, является важным в данный момент времени и в данном месте, и в следующее мгновение актуальность того или иного явления или события уже ставится под вопрос. Другими словами, можно говорить, что современная персональная идентичность приобретает новый формат. Данный формат заключается в том, что персональная идентичность меняет свое качество. Персональная идентичность, обретаемая при помощи персонального интернет-нарратива, есть идентичность конструируемая, в том смысле, что человек сам решает из каких элементов она будет состоять, сам может включить в нарратив необходимые ему факты своей жизни, биографии, либо исключить их из нее. Причем сделать это он может в любой момент.

Подводя итог, можно констатировать, что, во-первых, для современной социальной ситуации характерен кризис идентичности, выражающийся в трудности, а порой невозможности ее обретения как постоянного качества личности. Во-вторых, практически важнейшим механизмом обретения персональной идентичности становится персональный нар-

ратив, который в современных условиях приобретает новую форму и становится персональным интернет-нарративом. А в-третьих, сама персональная идентичность подвергается перереформатированию. Она утрачивает качество постоянства и приобретает качество конструируемости.

Литература:

1. Блинова О.А. Персональная идентичность в контексте отношения «Я – Другой» [Текст] : автореф. дис. ... канд. философ. наук / О.А. Блинова. — Челябинск, 2009.

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ
ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Онтология, теория познания, эпистемология, философия науки

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются онтологические основания научной рациональности и проблемы соизмеримости научных парадигм.

Borisov Sergei Valentinovich

**ONTOLOGICAL BASES OF SCIENTIFIC
RATIONALITY: PROSPECTS OF PHILOSOPHICAL
RESEARCH**

KEY WORDS: Ontology, theory of knowledge, epistemology, philosophy of science

ABSTRACT. In article are analyzed the ontological bases of scientific rationality and a problem of commensurability of scientific paradigms.

Предметом интереса философии науки являются, прежде всего, сущностные тенденции научного познания, коренящиеся в базовых представлениях о реальности, которые для многих парадигм служат объектом веры, аксиомами научных доказательств, но которые остаются до конца не познанными (онтологический аспект). Также философия может осуществлять рефлексию над стилями и способами рациональности «нормальной науки», за пределами ее привычного

языка на уровне своего метаязыка (эпистемологический аспект).

Рождение стиля мышления классической науки можно считать наглядным примером, демонстрирующим несоизмеримость методологии аристотелевской натурфилософии и экспериментально-математических методов. В связи с этим можно обнаружить, что именно эмансипация от традиционных авторитетов, в особенности от парадигмы натурфилософии Аристотеля, изменение стиля мышления привело к развитию количественно ориентированных методов, радикально меняющих картину космоса и природы. Интуитивно это вполне понятно, однако само по себе накопление эмпирических данных, их продуманная систематизация, использование измерения, подсчета, взвешивания еще не дает ясные и точные критерии знания. Поэтому необходимо видеть глубинные «онтологические сдвиги», связанные с самой возможностью идеализации пространства-времени. Таким образом, важной задачей становится теоретическое обоснование того, что «онтологический сдвиг», связанный с установкой и тематизацией чистых сущностей и конструкций ведет впоследствии к «чистой» и прикладной геометрии, поскольку практика измерения осуществляется на основе идеальных сущностей и идеальных конструкций, построенных с их помощью.

Еще один «онтологический сдвиг», нуждающийся в обосновании, обнаруживается в отношении к чувственно измеряемым данным опыта. Хотя, используя арсенал классической науки, можно получить лишь эмпирически-неточные величины и количества, эмпирические методы исследования, например, измерение, становятся областью постоянного совершенствования. Таким образом, мы имеем дело не просто с использованием уже найденного метода, а с методом, кото-

рый постоянно сам себя улучшает. Следовательно, речь идет, прежде всего, о смене понятийного аппарата науки.

Еще один «онтологический сдвиг», нуждающийся в обосновании, связан с допущением классической наукой того, что математика может иметь самостоятельную эвристическую значимость. Известно, что именно математика стала для классической науки своего рода поводом в неизвестность. Однако необходимо выяснить, благодаря каким онтологическим изменениям она получила возможность не только уточнить и расширить знание явлений, доступных органам чувств, но и открывать явления, не воспринимаемые, но, тем не менее, получившие в науке статус реальных объектов.

Актуальным для дальнейшего рассмотрения становится следующий принципиальный вопрос: возможно ли с современных позиций до конца понять стиль мышления так называемых «революционеров» классической науки? Ясно, что осознать действительный масштаб «революции» невозможно, если не занять позицию стороннего наблюдателя. В связи с этим очевидно, что первые ученые не могли не разделять свойственные их эпохе натурфилософские представления. В таком случае, видимо, в самой господствующей тогда парадигме созрели предпосылки для ее последующего отрицания. Однако первоначально они представляли собой лишь разнообразные гносеологические «улучшения» традиционных, не подлежащих сомнению онтологических принципов схоластической натурфилософии. Следовательно, проводниками этих «улучшений» были не революционеры, но реформаторы. Гносеологическая несоизмеримость «улучшенных» теорий давала каждой из них равные шансы на выживание. Сомнения же никогда не касались онтологических основ парадигмы.

Для того чтобы обнаружить онтологическую несоизмеримость теорий, нужно «иметь перед глазами» несколько альтернативных парадигм или прошлое и будущее состояние той или иной парадигмы, следовательно, определение онтологической несоизмеримости – это всегда взгляд из будущего. Однако в связи с этим нужно разрешить еще один проблемный вопрос: на каком общем основании можно проводить корректное сравнение? Согласно нашей гипотезе таким онтологическим основанием может служить только принцип историзма, позволяющий видеть изменчивость там, где с точки зрения «нормальной науки» все статично.

Еще один «онтологический сдвиг», подлежащий исследованию, связан с переходом от сверхъестественного к естественному объяснению природы. Пытаясь уловить этот момент перехода, можно заметить, что постепенно в науке правила, которые участвуют в определении оснований естественных законов, впоследствии получают новый статус – статус эмпирического факта, поскольку применение этих правил неизменно приводит к одним и тем же результатам, хотя сами правила не зависят друг от друга. Следовательно, появляется возможность устанавливать эмпирическую истинность сделанных допущений, исходя из совпадения результатов. Так теории, соизмеримые по одному онтологическому основанию, постепенно становятся несоизмеримыми. Происходит переход из гносеологической в онтологическую плоскость рассмотрения теорий. Вспомогательные элементы теорий становятся главными, периферийные объекты приобретают статус центральных.

Переход от ньютоновской к квантовой механике вызвал много споров в философской литературе как вокруг природы, так и вокруг стандартов физики. Для нашего рассмотрения важно, что суть данных споров о стандартах, пра-

вомерных в науке (на онтологическом уровне), можно соотнести с более ранней серией дискуссий сторонников механики Галилея и Ньютона с аристотелианцами, картезианцами и лейбницианцами. Следовательно, когда ученые спорят о том, были ли решены фундаментальные проблемы в их области, поиски правил приобретают такое значение, которого эти правила, обычно не имели.

Причиной того, что в середине прошлого века «парадигмальные» споры захлестнули саму философию науки, является то, что философия не может претендовать на роль незаинтересованного арбитра в «споре факультетов» и у нее нет искомого универсального метаязыка, что и она заражена теми же «догматическими болезнями», что и научная методология. Данное утверждение можно обосновать на примере исследования несоизмеримых теорий в самой философии науки, которыми являются парадигмы реализма и эмпиризма. Можно увидеть принципиальную гносеологическую несоизмеримость этих точек зрения. Однако если посмотреть на этот спор с онтологических позиций, то на этом уровне можно прийти к снятию противоречий, например, если речь идет об онтологических принципах, на которых в этих парадигмах выстраивается картина мира. Таким образом, «тезис несоизмеримости» указывает не только на различия, но и на сходства. Несоизмеримость в одном вовсе не означает несоизмеримости в другом. Только поэтому теоретические споры могут быть плодотворными, а теоретические расхождения могут играть эвристическую роль, ведь они базируются на одних онтологических основаниях, например, что касается реализма и эмпиризма в философии науки – это классическая метафизическая вера в реальность мира, корреспондентская теория истины и т.д. Если же теории базируются на разных онтологических основаниях, то их несоизмеримость стано-

вится абсолютной. Их антиномичность – свидетельство того, что та или иная научная область стала «спорной территорией» их «сфер влияния».

Таким образом, исследование онтологических оснований научных теорий является своего рода предостережением от соблазна поспешной и поверхностной критики этих теорий без должного осознания оснований и пределов данной критики. Онтологическая укорененность предполагает самобытность любой теории, критика которой возможна только на основе принципа историзма. Наша гипотеза такова: если несоизмеримые с гносеологической точки зрения теории имеют одно онтологическое основание, то открывается возможность поиска их общего онтологического корня. Если же объектом нашего исследования оказываются онтологически несоизмеримые теории, то нам поможет их лучше понять свойственный им специфический стиль научной рациональности. В любом случае, речь идет о единстве, но данное единство имеет не узко-предметный, парадигмальный, а мета-предметный характер. Это дает возможность понимания и интерпретации научной рациональности, но не с нормативной позиции той или иной парадигмы, а с коммуникативной, культурно-исторической позиции.

**ИСКУССТВО НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ:
ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Восток, Запад, цивилизация, искусство.

АННОТАЦИЯ. Нестыковка Запада с Востоком не ограничивается рамками идеологии и экономики. Сформировались различные по форме и содержанию культуры, трещина между которыми, в области музыки переходит в пропасть непонимания. Конфуцианская мораль, долг перед обществом, семьёй заставляли человека обуздывать своё «эго». На первый план выходило рациональное, вытесняя эмоции. Естественно, искусство, отражающее внутренний мир человека не могло не выразить эту специфику.

Gaikin Viktor Alekseevich

**ART IN THE WEST AND IN THE EAST:
CIVILIZATIONAL SPECIFICS**

KEY WORDS: East, West, civilization, art.

ABSTRACT. Discrepancies between the West and the East is not confined to the ideology and economics. It formed differences in form and content of culture, the crack between them in the field of music goes into the chasm of misunderstanding. Confucian morality, duty to society forced to restrain human "ego". The art reflecting the inner world of man expressed this specific character.

Несхожесть двух миров ощущали многие писатели и философы. Одни подобно Кипплингу, ограничивались констатацией этого факта (Запад есть Запад, Восток есть Восток). Другие пытались найти корни этого явления, подвергнуть его анализу. Гегель считал Китай тупиковой ветвью развития человечества. К. Маркс сформулировал понятие «азиатского способа производства». Проблема актуальна и сегодня, когда развивается процесс глобализации, капитал объединяет экономику различных стран в единый мирохозяйственный комплекс, нивелируя национальные особенности и вызывая встречное национальное движение протеста.

Если рассматривать вопрос в историческом аспекте, то на западе государство возникло как политическая надстройка над экономическим базисом в лице (независимых) товаропроизводителей. Доминирование вызревших на частной собственности производителей отводило государству второстепенную роль. На Востоке орошаемое земледелие предполагало ограничение частной собственности на землю, необходимость общественных работ с привлечением больших масс людей по возведению дамб, строительству ирригационных сооружений. В результате община не распалась, а воспроизводилась на государственном уровне в виде деспотий, которые регламентировали жизнь населения, ограничивали личные свободы.

И на Западе и на Востоке создавались философско-религиозные доктрины, корни которых уходили в социально-экономическое бытие народов, проживающих на данных территориях. Сформировавшись, эти учения (общественное сознание) начинали влиять на социум, определяя уклад жизни, нормы поведения и даже психологию. На западе ведущую роль в «формировании нового человека» сыграло христианство. В эпоху рабовладельческих империй, доведённых

до предела социальных противоречий, христианство с его знаменитым принципом равенства людей без учёта национальности (даже социального положения – «перед богом»), любви к ближнему, самоценности человеческой личности стало новым политическим мышлением, прорывом в будущее человеческих взаимоотношений. С другой стороны, заслугой христианства явилось становление независимого от государства гражданского общества. Ибо теперь лишь тело человека принадлежало императору, дух же его был свободен и принадлежал Богу. Здесь начало освобождения человека из-под власти государства, его становления как независимой личности.

На Дальнем Востоке, родине классических азиатских деспотий, возникли коллективистские доктрины – конфуцианство, даосизм, подчинявшие жизнь человека нуждам деревни, общества, государства. Провозглашая приоритет коллектива перед индивидом, конфуцианская мораль требовала от человека поддерживать установленный порядок, следовать определённым правилам поведения (ритуалу). Состояние гармонии (покоя) ценилось выше, чем активная жизненная позиция. В то же время нельзя полностью согласиться с Гегелем, что в Китае все рабы кроме императора. Зависимость от государства далеко не тождественна статусу вещи, принадлежащей конкретному лицу.

Если христианство было концепцией человека, то восточные религии идеологией коллектива. Христианство ориентировалось на объединение мира на базе равенства всех перед богом, а, например синтоизм в Японии – на единстве нации, провозглашённой высшей и противопоставленной другим народам. Как отмечал Гегель: «Восточная нация ограничивает религию собой одной, и религия выступает полностью привязанной к этой одной национальности. В Рим-

скую империю проникали все религии и не считались там национальными, на востоке же религия целиком связана с национальностью. Китайцы, персы имеют свою государственную религию, которая существует только для них». [2, с. 113]

Две идеологии означали два различных типа мышления. На Западе признание многополюсности мира привело Гегеля к пониманию развития как борьбы двух сторон единого целого и его эволюции как результата этой борьбы. Китай, раньше, чем Европа, пришедший к пониманию противоречивости мира (Инь и Янь), упор сделал не на борьбе противоположностей, а на их единстве в рамках целого. Если рассматривать западный и восточный путь развития как материализацию определённых идей (самопознание всемирного духа), то в концентрированном виде западный вариант – это, говоря словами Гегеля «развитие понятия свободы» через последовательную смену общественно-экономических формаций; восточный вариант – это узаконение несвободы в форме неподвижных государств – деспотий.

Нестыковка Запада с Востоком не ограничивается рамками идеологии и экономики. Сформировались различные по форме и содержанию культуры, трещина между которыми, в области музыки переходит в пропасть непонимания. Конфуцианская мораль, долг перед обществом, семьёй заставляли человека обуздывать своё «эго». На первый план выходило рациональное, вытесняя эмоции. Естественно, искусство, отражающее внутренний мир человека не могло не выразить эту специфику.

Европейский художник, рисуя предмет, наслаждается его фактурой, чувственно воспринимая ее. Он в какой-то степени сливается с изображаемым объектом, выражая в рисунке своё отношение к нему. Китайский рисовальщик отра-

жает сущность явления, его идею, вследствие чего «внешнее» - форма предмет, а его фактура может быть проигнорировано как несущественное (реалистичность изображения). Китайская и японская живопись не нуждаются в богатой цветовой гамме, поскольку цвет предмета не относится к сущностным категориям. Естественный цвет объекта может быть даже изменён. «Реальная красота природы волновала художников не сама по себе. В ней они видели проявление всеобщего. Главной тенденцией средневекового китайского искусства было постижение общих законов мира» [1, с. 56].

Китайские живописцы писали природу по памяти, а не с натуры (на пленэре). Память китайца специфична, она «заточена» на запоминание иероглифов, которые стали символами (знаками) окружающего мира, предметов, явлений. Художник избирательно фиксирует существенные черты объекта, формируя скорее «иероглиф» сосны, водопада и др., чем его полный, конкретный облик. «Крупнейший знаток живописи X века Цзин Хао утверждал, что предмет живописи — это «мысль» о вещах, сводящая воедино форму и содержание. Но если художественный образ воспроизводит, лишь существенные, умопостигаемые свойства вещей, он неизбежно предполагает переработку, сокращение данных чувственного восприятия» [4, С. 239].

В средневековом китайском пейзаже можно найти элементы импрессионизма (истоки которого в японской живописи) и даже сюрреализма. «До предела обостренное сознание внутренней непоследовательности традиционного художественного идеала мы встречаем в так называемых «пейзажах сновидений». Назвать фантастический пейзаж сном — превосходный способ впустить в жизнь общества аномалию, открыто недопустимую». [4, С.251]

Восточный театр не показывает настоящую жизнь, заменяя её реалии символами, условными знаками, жестами, хореографическими позами, несущими определённую эмоционально-смысловую нагрузку. Зрителю нет нужды «переживать» - заливаться слезами или смехом. Смысл происходящего на сцене доходит до него в закодированном виде и прежде чем попасть в душу должен пройти через разум, поскольку нуждается в расшифровке.

Музыка это продукт и отражение мира эмоций, чувств, неосознанных желаний. Если литература и философия – общественное сознание, то музыку можно назвать общественным подсознанием. Из всех искусств, именно восточная музыка наиболее трудна для восприятия европейца, ибо эмоции, являющиеся содержанием европейской музыки, изгнаны из музыки восточной. Европейское ухо не слышит здесь темы, мелодии и воспринимает её скорее как музыкальное воплощение азиатского декоративного орнамента, повторяющего одни и те же абстрактные узоры. «...Для архаичной эстетики характерно, что структура поэтических текстов, легенд и сказок, музыки выражалась в простейших числах... Числовой ритм, присущий орнаменту, пронизывал едва ли не все творчество человека». [3, с. 14]

Табу на отражение эмоций в искусстве привело к переходу их в область кулинарии, где изобретательные китайцы взяли реванш, обманув бдительность тоталитарного государства. Если гамму вкусовых ощущений человека представить в виде клавиш музыкального инструмента, то китайский повар, предлагающий на один приём пищи до ста микроскопических блюд играет на нём целые симфонии кулинарных переживаний. Если для европейцев еда – в основном пища физическая, то для китайцев – и духовная, компенсирующая дефицит эмоций на сцене и в музыке.

Литература:

1. Виноградова Н.А. Китай Корея Япония Образ мира в искусстве / Н.А. Виноградова – М.: Прогресс, 2010. - 306 с.
2. Гегель Г. Философия религии / Г. Гегель – М.: Мысль, 1977. Т 2. – 385 с.
3. Иорданский В.Б. О началах древней эстетики // Восток. - 2006. - № 6. – С. 12 – 21.
4. Малявин В.В. Молния в сердце / В.В. Малявин – М.: Наталис. 1997 . – 367 с. С.239.

ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Философия, психология, мотивация, философский подход, психологический подход, изучение мотивации.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрываются философский и психологический подходы к изучению мотивации человека в различные исторические периоды.

Gorbunova Nataliya Evgenevna

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF MOTIVATION

KEY WORDS: Philosophy, psychology, motivation, the philosophical approach, the psychological approach, the study of motivation.

ABSTRACT. The article describes philosophical and psychological approaches to the study of human motivation in different historical periods.

Мотивация является одной из фундаментальных проблем философии и психологии. Во все переломные эпохи истории человечества к проблеме мотивации наблюдается обостренное внимание. Значимость данной проблемы связана с анализом источников активности человека, побудительных сил его деятельности, поведения. Во все времена философы и психологи пытались найти ответы на вопросы, что побуж-

дает человека к деятельности, каков мотив, ради чего он ее осуществляет? [4].

До сих пор нет однозначного понимания мотивации. В философии мотивацией называют систему внутренних факторов, вызывающих и направляющих ориентированное на достижение цели поведение человека или животного [8]. В психологии – побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленность [3]. Наиболее обобщенным определением этого понятия можно назвать следующее: мотивация – это совокупность внутренних и внешних сил побуждающих человека к познанию, ощущению и действию [7].

Научному изучению причин активности человека и животных положили начало еще великие античные философы - Гераклит, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Лукреций, которые подразумевали под мотивацией принцип «гедонизма» – стремление наслаждаться и избегать страданий, стремиться к лучшему. Демокрит, к примеру, считал потребность основной движущей силой, которая привела в действие ум человека, его язык, эмоциональные переживания и привычку к труду. Гераклит рассматривал мотивацию как побудительные силы, влечения, потребности. Аристотель сделал значительный шаг вперед в объяснении механизмов поведения человека. В его работах описаны четыре различные вида причин, побуждающих к действию: движущая, целевая, формальная и материальная [5].

В Средние века Фома Аквинский провозгласил религиозные основы мотивации. Он считал, что движущей силой для любого человека является нормативный закон и добродетели – спасение, мудрость, справедливость, вера, надежда и любовь.

В Эпоху Возрождения мотивация базировалась на рациональных целях человека. По мнению Николая Кузанского, высшая цель - это «обожествление» человека через разум, познание[7].

Особое значение придавали мотивации как основному источнику активности человека французские материалисты конца XVIII века (К. Гельвеций, П. Гольбах, Э. Кондильяки др.). Э. Кондильяк понимал мотивацию как беспокойство, вызываемое отсутствием чего-либо, ведущего к удовольствию. Через мотивы, писал П. Гольбах, потребности приводят в действие наши ум, чувства и волю и направляют их к тому, чтобы предпринять определенные меры для поддержания существования организма. К. Гельвеций источником активности человека считал страсти – физические или природные.

Г.Гегель, представитель немецкой классической философии, был убежден, что «обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это» [2]. В этой формуле одновременно выражены две психологические истины: во-первых, что обстоятельства и мотивы могут господствовать над человеком, а во-вторых, что человек может и не позволить им это [6].

А. Шопенгауэр ограничивает понятие «мотив» его двумя основными значениями: это – либо непосредственное восприятие объекта, либо такое обстоятельство, которое вынуждает нас действовать определенным образом, либо представление этого объекта или обстоятельства, причем это представление занимает наши мысли или воображение [1].

Ч. Дарвин, основатель эволюционной теории, показал, что целесообразность поведения объясняется естественными причинами, эволюционно закрепленными, и что в основе поведения человека и животного лежат одни и те же принципы.

Философы XX века (Н. Бердяев, А. Гелен, Л. Карсавин, Э. Кассирер, К. Лоренц, Н. Лосский, С. Франк, М. Шелер и др.) рассматривали в своих трудах человеческие потребности как основной источник побуждения его к совершению тех или иных поступков или строили сам процесс мотивации. Но все эти теории были продолжением, развитием или совершенствованием того, о чем философствовали и мыслили предшественники [7].

С XX века проблемой мотивации стали активно заниматься и представители психологической науки. Так, в западной психологии появляются теории мотивации, относящиеся только к человеку (К. Левин, А. Маслоу, Г. Олпорт и др.). Здесь, наряду с органическими, выделены вторичные (психогенные) потребности, возникающие в результате обучения и воспитания (Г. Мюррей) – потребность в достижении успеха, независимости, в уважении и защите, привлечении внимания и т.д.

Представитель психоаналитического направления в психологии З. Фрейд придавал решающее значение в организации поведения бессознательному ядру психической жизни, образуемому мощными влечениями – сексуальными и агрессивными. У. Макдауголл также считал, что движущей силой поведения человека является особая инстинктивная сила, определяющая характер восприятия объектов, создающая эмоциональное возбуждение и направляющая умственные и телесные действия организма к цели.

Бихевиористы (В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, Б. Скиннер, Э. Торндайк) объясняли поведение через схему «стимул – реакция», рассматривая раздражитель как активный источник реакции организма. Мотивация понималась ими как состояние, функция которого в снижении порога реактивности организма на некоторые раздражители.

Во второй половине XX века появились когнитивные мотивационные концепции Дж. Аткинсона, Г. Келли, Д. Макклелланда, Дж. Роттера, Х. Хекхаузена, для которых характерным является признание ведущей роли сознания в детерминации поведения человека.

Среди отечественных психологов вопросы мотивации поведения человека поднимали В. М. Боровский, Н. Ю. Войтонис, Л. С. Выготский, А. Ф. Лазурский, Н. Н. Ланге и другие. Так, например, Л. С. Выготский одним из первых стал разделять мотив и стимул, говорил о произвольной мотивации. В 40-х годах прошлого века мотивацию с позиции «теории установки» рассматривал Д. Н. Узнадзе, полагающий, что источником активности является потребность, понимаемая очень широко, а именно как то, что является нужным для организма, но чем он в данный момент не обладает [5].

Таким образом, сложность и многоаспектность проблемы мотивации обуславливает множественность подходов к пониманию ее сущности, природы, структуры, а также к методам ее изучения. У философов и психологов нет единой точки зрения относительно роли мотивации в жизни человека. Очевидно, что требуется критическое рассмотрение существующих точек зрения на проблему источников активности человека и поиск нового подхода к ее решению.

Литература:

1. Гардинер П. Артур Шопенгауэр. Философ германского эллинизма. Пер. с англ. О.Б. Мазуриной. — М.: ЗАО Центр полиграф, 2003. — 414 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: В 2 тт. — М.: Мысль, 1971. Т. 2. — 630 с.
3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. — Мн.: Харвест, 1998. — 800 с.

4. Зимняя И.А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2004. — 384 с.
5. Ильин Е.П.: Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2008. — 512 с.
6. Леонтьев Д. А. Психология в ВУЗе. 2004. — № 1. — С. 51-56.
7. Лифшиц Е. А. Истоки трудовой мотивации / Е. А. Лифшиц // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление: электронное научное издание, ISSN 2075-1427 [Электронный ресурс]. — 2009. — Т. 5. — С. 60-68. — Режим доступа: www.gypravlenie.ru.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд — М.: Мысль, 2010. — 2806 с.

МОРАЛЬНЫЕ ПОСРЕДНИКИ В ФИЛОСОФИИ ТЕХНОЛОГИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ключевые слова: информационные технологии, моральные посредники, проектирование технологий, "человек мобильный"

АННОТАЦИЯ. Аннотация. В данной работе показывается, как информационные технологии изменяют мораль. Концепция моральных посредников Лоренцо Маньяни дает возможность проанализировать скрытые ограничения в системе человек-среда обитания, и эти открытия предоставляют нам важную новую этическую информацию. Проектировать технологию, значит проектировать новую мораль, как определенный способ бытия в мире через эту технологию.

Dedyulina Marina Anatolevna

MORAL MEDIATORS IN PHILOSOPHY OF TECHNOLOGIES

KEY WORDS: information technology, moral mediators, design technology, "homo mobilis"

ABSTRACT. Abstract. This paper shows how information technology is changing morality. The concept of moral mediators Lorenzo Magnani makes it possible to analyze hidden limitations in the human-environment, and these findings provide us with important new ethical information. Design technology, so design the new morality as a certain way of being in the world in this technology.

Технология создает, ликвидирует и изменяет не только мораль и нравственность, но и другие аспекты человеческой экзистенции. Если часы олицетворяли ценность точности, то камеры наблюдения - ценности конфиденциальности и безопасности, т.е. создали новый способ существования паноптикума мира.

Известный итальянский ученый Умберто Эко в связи с этим вводит новый образ человека, которого он называет "Homo mobilis" или "Homo cellularis". "Сама динамика взаимодействия между собеседниками А и Б, чье общение уже не ограничивается рамками двух человек, поскольку их разговор может быть прерван мобильным вторжением собеседника В, и, как следствие, взаимодействие между ними будет развиваться прерывисто либо сойдет на нет. Таким образом, главный способ соединения - постоянное собственное присутствие для других людей, и наоборот - становится в то же самое время способом разъединения: собеседник А соединен со всеми, кроме собеседника Б"[2].

Современные технологии, фактически, превратили человека в "Homo mobilis", причем это не только постоянное применение мобильных технологий в жизнедеятельности, и постоянное использование самых разнообразных приборов-протезов, которые дают возможность человеку, все время находится на связи, либо в сети [1,с. 74].

Проектировать технологию, будь то устройство или программное обеспечение, значит проектировать новую мораль, как определенный способа бытия в мире через эту технологию.

Проектирование этики имеет два главных компонента: оценка будущих моральных последствий внедренной технологии, оценка ее влияния на эти изменения в целях повышения благополучия человека, создание техно-нравственных

навыков, а также укрепление моральных способностей пользователей посредством разработки материальных условий использования технологии. При оценке будущих моральных последствий и создании материальных условий для эффективной практики, важно учитывать множество факторов: предсказуемые изменения и риски новых технологий, непреднамеренные деструктивные последствия, встроенные социальные предрассудки, предсказуемые новые навыки, практики, варианты, моральные нормы и ценности, которые создаются с помощью внедрения новых технологий.

Проблему морального посредничества детально изучает итальянский философ Лоренцо Маньяни. Его инновационные идеи изложены в работе "Мораль в технологическом мире"[3, с. 269]. Новая моральная конструкция стала необходимой из-за огромного влияния, которое человеческое поведение имеет на мир. "Мы теперь должны рассматривать вопрос техносферы, в котором экологические проблемы излагаются в их социальных и политических контекстах"[3, с. 8.].

Современная технология ускорила потребность в новом знании; это вызвало последствия такой величины, что старая политика больше не может сдерживать их. Этика долга, справедливости, милосердия, честности и т.д. уже неадекватна современным потребностям потому, что такие действия на местном уровне преодолеваются путем коллективных действий, что создает последствия за пределами непосредственной сферы, а результаты действия часто пространственно далеки от места, где они выполняются. "Использование моральных посредников больше, чем просто способ перемещения в мире к желаемым целям этого действия, которое может играть моральную роль и поэтому заслуживает морального рассмотрения. Мы уже говорили, что, когда люди не имеют достаточной информации или не имеют возможности дейст-

воватъ морально на мир, они могут реструктурировать свои миры, в целях упрощения и решения нравственных задач"[3, с. 27.]

Моральные посредники также используются, чтобы показать скрытые ограничения в системе человек-среда обитания, и эти открытия предоставляют нам важную новую этическую информацию. Внешне моральные посредники всех видов могут функционировать в качестве компонентов системы памяти, которая находится на границе между человеком и средой обитания. Согласно Маньяни, "моральные посредники играют важную роль в изменении этических ценностей людей и, в то же самое время, облегчают непрерывную переконфигурацию социального строя, приспособленного к перестраиванию новых моральных перспектив"[3, с. 112.]. "Артефакты являются моральными посредниками во многих ситуациях, как и в случае технологий, которые влияют на конфиденциальность"[3, с. 12.]. Например, Интернет является посредником взаимодействия человека в гораздо более глубоком смысле, чем это делают традиционные формы коммуникации, как бумага, телефон, СМИ и т.п. Проблема в том, Интернет-посредник как одна из форм убедительной технологии, сегодня начинает влиять не только на поведение человека, но и способно влиять на человеческую свободу. "Благодаря Интернету наша идентичность сегодня в значительной степени состоит из количества данных, информации, изображений и текстов, которые касаются нас как личностей, и результатом этого является появление "киборга", под которым мы идентифицируемся в сети. Я утверждаю, что этот комплекс новой информации формирует новую онтологию, которая в свою очередь создает новые моральные проблемы" [3, с. 13.].

Киберпространство оказалось благодатной почвой для новых моральных проблем и новых возможностей для нарушений, главным образом потому, что оно создало новые моральные "онтологии", которые влияют на поведение человека. Где мы существуем кибернетически больше определить непросто, и новые технологии телеприсутствия продолжают усложнять проблему. Мы больше не можем применять старые моральные правила и старомодные аргументы о человеке, который существует биологически и виртуально в трехмерном локальном пространстве. Для примера рассмотрим, проблему конфиденциальности, которая связана с так называемым "эффектом паноптикума". Мишель Фуко описал паноптикум в качестве метафоры для "механизмов масштабного социального контроля, которые характеризуют современный мир".

Интернет можно рассматриваться как современный паноптикум, который для нас делает видимой информацию о тех, кто находится в сети. Наличие слишком обширной личной информации увеличивает нашу уязвимость для всех видов опасностей, поэтому необходимо ввести защитные меры. Можно согласиться с утверждением, Л. Маньяни, что "технология имеет основополагающее значение для современного общества, но те, кто создает ее не научились предвидеть или исследовать ее влияние, и, к сожалению, тот, кто сосредоточен на влиянии технологии, редко понимает сам технологии"[3, с. 114].

Литература:

1. Урри Дж. Мобильность. [Текст] /Дж. Урри; перевод с англ. А.В.Лазарева.– М: Праксис, 2012.– – 576 с.
2. Eco U. El telefono motiv y la verdad.[Electronic resource]./ U.Eco.//La Nación Domingo,2005. On September, 25th.Mode of access.//– URL:

http://www.lanacion.cl/prontus_noticias/site/artic/20051019/pags/20051019183023.html/(Date of the reference 25.12.2014)

3. Magnani L. *Morality in a Technological World. Knowledge as Duty.*[The Text]. /L. Magnani – New York: Cambridge University Press, 2007.– – 288 p.

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО АКТЕРА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Антропологическая концепция театрального образования, творческая индивидуальность, имиджелогия, способность к саморегуляции.

АННОТАЦИЯ. В рамках антропологического подхода определяется феномен творческой индивидуальности актера как способность к целостному развитию личности. Рассматривается новая антропологическая концепция театрального образования.

Dubskih Ekaterina Evgenevna

**THE ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO THE
PROBLEM OF FORMATION OF THE CREATIVE
PERSONALITY OF THE FUTURE ACTOR**

KEY WORDS: Anthropological concept of theater education, creative personality, image making, the ability to self-regulation.

ABSTRACT. As part of the anthropological approach is determined by the phenomenon of the creative personality of the actor as the ability for holistic development of the individual. We consider the new anthropological concept of theater education.

Классики театральной педагогики определяли творческую индивидуальность актера как особый вид творчества,

где основными рабочими инструментами являются и душа и тело актера (К.С. Станиславский, Л.Страсберг, В.Э. Мейерхольд, Е. Гротовский, Б.Брехт, Г.А Товстоногов и др.). В современной педагогике искусства существуют разнообразные определения творческой индивидуальности, но, по-нашему мнению, все они сводятся к пониманию творческой индивидуальности как интегративного качества личности, проявляющегося в способности использовать свои индивидуальные задатки в преобразовании себя. В связи с этим, необходимо рассматривать будущего актера как субъекта, способного к целостному развитию личности, формированию сознания и самосознания. Актуальность данной темы обусловлена задачами, которые современный социум ставит перед будущим актером - ярко очерченная индивидуальность и творческая самостоятельность. Данные качества помогают современному актеру заглянуть за пределы профессии, научиться адекватному и целостному восприятию самого себя внутри и вне ее пределов, ибо «тот не может быть хорошим практическим деятелем, кто только практический деятель, т.е. который имеет только узкое стремление достигнуть определенного практического результата, полностью игнорируя всё остальное» [8; с.32].

В философской антропологии человеческая сущность определяется и как «форма жизни, и как общественное существо, и как мыслящее создание, и как дух. Он не животное, но он и не ангел. Искусство как раз и призвано отразить все эти метаморфозы человеческого существования» [5; с.106]. В современных исследованиях философской антропологии тело и сознание человека рассматривается как неотъемлемая часть сложных эко- и социокультурных систем, как модель самовосприятия и саморазвития, которая обуславливает по-

ведение человека, типы и динамику его социальных отношений [2].

В психологии вопросу формирования творческой индивидуальности посвящены работы Б.Г. Ананьева, который заложил основы понимания творческой индивидуальности как системы целостности свойств человека. Он, в частности, писал: «В ходе онтогенетического развития и жизненного пути человека происходит прогрессирующая индивидуализация организма и личности человека, охватывающая все уровни этого развития» [3; с.301].

Данный анализ позволяет говорить о целостности человека как о сущностной его характеристике, а художественное творчество рассматривать как необходимость, исходящую из самой природы человека.

Способствовать целостному развитию личности будущего актера будет новая антропологическая концепция театрального образования, так как антропологический подход к профессиональному образованию актера делает личность актера основной целью и ценностью всего образовательного процесса. Он обращен в сторону природной, нравственной и социокультурной обусловленности развития человека. По нашему мнению, с первых дней обучения актерской профессии, необходимо формировать личность будущего актера, развивать индивидуальность, заложенную его природным естеством, воспитать качества личности, востребованные обществом.

По нашему мнению, во многом решение задачи формирования творческой индивидуальности актера определяется содержанием образовательной программы подготовки актера. В настоящее время учебным планом предусмотрены дисциплины, связанные с развитием творческой индивидуальности (мастерство актера, предметы для развития вокаль-

но-речевого аппарата, развитие пластической выразительности актера и др.). Несмотря на многогранность образовательных процессов, направленных на профессиональную состоятельность студентов-актеров, будущие выпускники не приобретают достаточных знаний о возможностях их личностного потенциала, не умеют создать субъективные предпосылки для развития личности.

Взаимное проникновение и обогащение различных, порой весьма далеких отраслей знания – характерная черта современного этапа развития науки и образования. Чтобы осмыслить и решить целый ряд практических проблем, ориентированных на профессионально-личностное развитие, будет актуальным обогатить спектр профессиональной подготовки актера новыми дисциплинами: философская антропология, телесные практики (йога), имиджелогия. Синтез обучения основам актерского мастерства с освоением наук о человеке поможет выработать новый, междисциплинарный подход, который будет способствовать формированию мировоззрения, миропонимания, самопонимания актера. Это — способ целостного развития творческой индивидуальности актера, так как позволяет «включить такие антропологические феномены, как жизненные смыслы, ценности, мотивы, переживания, духовное планирование, нравственное пробуждение, кризис, вера, созидание»[4; с.106].

Новые законы времени требуют от человека любой профессии социальной пластичности и универсальности, чтобы быстрее реагировать на потребности социума и профессиональной среды. Современная реальность стирает грани между актерами театра и кино, между жанрами искусства, заставляя артиста быть более гибким. Для успешного существования в сложноорганизованной актерской реальности с высокой конкуренцией, будущему актеру необходимо обла-

дать навыками социальной саморегуляции. Учитывая стремительные технологические изменения и рост конкуренции, артисту важно суметь создать успешный социальный имидж, который напрямую коррелирует с его востребованностью на «рынке» искусства[6; с.27]. Имиджелогия — как наука о технологии личного обаяния, могла бы не только предложить методологическую базу для социальной саморегуляции выпускника-актера, но и раскрыть новые возможности применения актерского мастерства [9]. Процесс создания сценического образа во многом схож с созданием социального имиджа. Стремление человека заявить о себе, а также выделение себя из и противопоставление себя социальной среде остается одной из важнейших опор самосознания современного человека[2]. Будучи параметрами социокультурного порядка, знания и устремления человека, его мечты и грезы способны формировать реальность как социокультурного, так и телесного пространств, граница между которыми непрерывно размывается[2]. «Правильно проработанный имидж будет психологической опорой будущему артисту и расширит возможности не только социальной, но и творческой состоятельности»[6; с.27].

Но у «успешного образа» и личной востребованности есть и обратная сторона — эмоциональные, психологические, физические перегрузки, различного рода стресс. Чтобы соответствовать высоким профессиональным требованиям, необходимо постоянно наращивать свой энергетический потенциал. Кропотливая работа над ролью и сам спектакль отнимает огромное количество энергии. А если в день предстоит сыграть несколько ролей, да еще и в разных часовых поясах? «В наши дни недостаточно просто быть готовым к появлению социальных инноваций... недостаточно быть готовым к возможным нестабильностям и катастрофам (а с повыше-

нием сложности общественных процессов, их вероятность возрастает), но в наших силах находить оптимальные выходы из ситуаций нестабильности, проходить критические периоды с наименьшими потерями»[7;с.1]. Поэтому актуальными качествами современного актера становится способность к внутренней саморегуляции, умение быстро восстанавливать потраченную энергию, сохранять здоровье и работать со своим эмоциональным планом. В решение данных задач значительную помощь окажут многие аспекты йоги. Йога — мощный инструмент восстановления *гомеостаза* (внутренней саморегуляции) — оптимального состояния организма, состояния гармонии и равновесия[1]. Включение в обучение будущего актера практик йоги поможет эффективно укрепить физическое здоровье — как основу активной и полной жизни, базу для дальнейшего развития. Будет способствовать развитию концентрации внимания, что позволит более качественно «погружаться» в сценическое существование, не отвлекаясь на внешние раздражители. Также йога способна ускорить устранение физических зажимов. Этот процесс освобождения от ограничений высвободит творческую энергию, столь необходимую будущему актеру для полноценной работы. Саморегуляция запасов энергии позволит ему в полной мере реализовать свой творческий потенциал и стать творцом, прежде всего, собственной жизни. Практика йоги позволит глубже изучить структуру своего тела — главного инструмента актера. Чем лучше он будет понимать себя и свое тело, тем большей внутренней гармонии он сможет достичь и освободиться от ментальных (негативное мышление, саморазрушение) и психологических (страхи, комплексы). Развитие пластичности тела в йоге всегда идет рядом с развитием пластичности ума. Этот навык позволит будущему актеру раздвинуть границы интернального восприятия, что позволит

вносить новые краски при создании художественных образов. Чем больше человек понимает свое внутреннее устройство, тем более качественно он взаимодействует с самим собой и окружающим миром в целом.

В заключение необходимо сказать, что театральной педагогике необходимо выполнить современный антропологический «заказ» и для этого творческую индивидуальность будущего актера необходимо формировать в рамках антропологического подхода к театральному образованию в целом. Развитие творческой индивидуальности может стать тем ключом, который откроет дверь в мир неповторимого художественного почерка, собственного стиля выпускника театрального вуза.

Литература:

1. Айенгар, Б.К.С. Свет жизни: йога. М.: Альпина нон-фикшн, 2009. - 222 с.
2. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС – революции и будущее человека. // Вопросы философии. - 2013. - № 3. - С. 12-22. Электр.ресурс: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=717&Itemid=52
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания — СПб.: Питер, 2001. - 305 с.
4. Богданова Р.У. Гуманитарные ориентиры исследования творческой индивидуальности человека (педагогический аспект): Научно-методические материалы. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. – 272 с.
5. Гуревич П.С. Векторы современного постижения человека // Философский журнал.- 2013. - № 2 (11). С. 95-106. 1 а.л. Электронный ресурс: http://iph.ras.ru/pj_11.htm. (9.04.2015)

6. Дубских Е.Е. Современные инструменты формирования будущего актера // Художественное образование: проблемы и перспективы развития : материалы междунаро. заоч. науч.-практ. конф., 23-25 дек. 2014 г., г. Екатеринбург / Урал.гос.пед.ун.-т.– Екатеринбург , 2014. - 220 стр.
7. Князева Е.Н. Конструирование будущего // Философия и синергетика. Электр. ресурс:
<http://spkurdyumov.ru/philosophy/konstruirovanie-budushhego/>. (9.04.2015)
8. Любищев А.А. Мысли о многом. Ульяновск, 1997. – 32 с.
9. Шепель В.М. : Имиджелогия. Как нравиться людям.– М.: Народное образование, 2002.- Электронный ресурс:
<http://evartist.narod.ru/text9/18.htm>.(10.03.2015).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «ОБРАЗ» В ФИЛОСОФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Образ предметность, объективность, субъективность.

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой историко-философский анализ понятия «образ» от античности до XX века. Автор характеризует образ как системное образование, выделяет его характеристики.

Ermakova Elena Anatolevna

THEORETICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF "IMAGE" IN PHILOSOPHY

KEY WORDS: Form objectivity, objectivity, subjectivity.

ABSTRACT. This article is a historical and philosophical analysis of the concept of "image" from antiquity to the XX century. The author characterizes as the image formation system, identifies its characteristics.

В современных условиях глобализации и информатизации общества у человека быстро меняются представления о реальности с тем, чтобы мысленный образ «успевал» за усиливающейся динамикой социальных изменений [4].

В психологической науке проблема образа принадлежит к числу фундаментальных. Изучение формирования образа окружающей действительности в сознании человека, его функций в поведении и деятельности, мозговых механизмов имеет исключительно большое значение для развития, как

общей теории психологии, так и теоретических позиций специальных психологических дисциплин. Разработка этой проблемы не менее важна и для решения прикладных задач, которые ставятся перед психологией, особенно когда речь идет о психологическом обеспечении процессов обучения человека, его социализации [3, 352].

Но категория образа и проблемы образа впервые были разработаны и осмыслены в философии.

В связи с этим, целью работы является: теоретический анализ образа в философии.

Изучение проблемы образа впервые было освещено в трудах античных мыслителей. Первыми шагами было разграничение двух существенно различных разрядов психических образов – сенсорного и умственного (чувственного и мыслимого). Античная мысль выработала два принципа, лежащие и в основе современных представлений о природе чувственного образа, – принцип причинного воздействия внешнего стимула на воспринимающий орган и принцип зависимости сенсорного эффекта от устройства этого органа [1, 74]. В учении Демокрита была положена гипотеза об «истечениях», о возникновении ощущений в результате проникновения в органы чувств материальных частиц, испускаемых внешними телами. При соотношении сенсорного и умственного – умственный образ ставился выше чувственного. Демокрит среди самих чувственных продуктов выделял две категории: а) цвета, звуки, запахи, которые, возникая под воздействием определенных свойств мира атомов, ничего в нем не копируют; б) целостные образы вещей («эйдола»), в отличие от цветов воспроизводящие структуру объектов, от которых они отделяются. Следовательно, представление Демокрита об оболочках («эйдола»), непрерывно отделяющихся от вещей и тем самым "заноссящих" в органы чувств структур-

ные подобия этих вещей, выступило первой причинной концепцией восприятия как целостного чувственного образа. Эта концепция пользовалась большой популярностью у естествоиспытателей еще долгие годы.

Также проблема образа была рассмотрена в теориях античных философов – Платона и Аристотеля. Платон рассматривал образ как отражение материального мира, копию идеи, материального предмета (а не первичные принципы).

Аристотелем была создана другая теория, где образы рассматриваются как психические посредники между чувствами и разумом, мост между внутренним миром сознания и внешним миром. Тем не менее, Аристотель наделяет свойством первичности не образ, а сенсорные данные. Образ – это их отражение, а не источник. Таким образом, фокус исследования Аристотель сместил с метафизики на психологию [9].

Для развития психологии как науки важную роль сыграло утверждение Аристотеля о том, что субъект строит свои действия в зависимости от того, что может произойти лишь в будущем - в будущем, которого еще нет. Цель как образ будущего детерминирует настоящее, определяет собой реальное действие и состояние субъекта.

Аристотель не только выделил представление объектов как специфический план познавательной активности. Он разработал гипотезу о том, что представления соединяются по определенным правилам, названным через много веков законами ассоциации (связи представлений по смежности, сходству и контрасту). Тем самым он стал зачинателем одной из самых значимых психологических теорий – ассоциативной [3, 20].

Взгляды Платона и Аристотеля на образ как результат репрезентации получили дальнейшее развитие в философии средневековья и нового времени.

Идею о том, что образ будущего имеет существенное значение в построении человеческого действия, можно встретить в учении римского философа Августина Аврелия: "Ожидание относится к вещам будущим, память - к прошедшим. С другой стороны, напряжение действия относится к настоящему времени: через него будущее переходит в прошедшее. Следовательно, в действии должно быть нечто такое, что относится к тому, чего еще нет" [1, 352].

Джордано Бруно рассматривал образ с иной стороны, определяя его как продукт воображения. Он признает образ изначальной творческой силой, действующей внутри человеческой природы.

Иммануил Кант утверждал, что необходимым условием любого знания является процесс формирования образа, поскольку разум и чувство являются производными процесса воображения. Он рассматривает процесс создания образа трансцендентным по отношению к разуму и придает образу значение источника смысла, творящего начала, позволяющего человеку познавать реальность [9]. В связи с этим в философии перестали рассматривать психические образы как копии, образам стали приписывать роль творческого начала, как источникам смысла и ощущения бытия и реальности.

В новое время последователем идеи репрезентативной функции образа становится Дэвид Юм. В его теории образ – это оставшаяся в уме копия пережитого впечатление. Ассоциативные цепи образов составляют знание, которое организуется посредством психологических закономерностей (сходством, непрерывностью, идентичностью и т.д.).

Русский философ Николай Бердяев противопоставлял образ и вещь. Образ формируется на основе вещи, либо образ становится основой для создания вещи (как первообраз, прототип или архетип). Своеобразие образа заключается в

том, что он есть нечто субъективное, идеальное и не существует сам по себе, вне отношения к вещи (в противном случае он превращается в фетиш). Однако, образ объективен по своему содержанию в той мере, в какой он верно отражает вещь. Но образ объекта никогда не исчерпывает всего богатства его свойств и отношений: оригинал богаче своей копии [3, 25].

Марксистская философия, отводя чувственному познанию важную роль как начальному этапу получения знаний, связывает этот процесс, в первую очередь, с социальной обусловленностью и общественно-исторической практикой людей. Работы советских философов строились на методологической основе диалектического материализма, а чувственный образ рассматривался как отражение действительности. В 60 - 70-е годы XX века советскими и болгарскими философами было проведено совместное исследование проблем чувственного отражения, результаты которого были опубликованы в сборниках «Ленинская теория отражения и современность» и «Ленинская теория отражения и современная наука» в 3-х томах. Здесь нашли своё выражение идеи физиологов, например, П.К. Анохина, философов В.С. Тюттина, А.Д. Урсула и др.

Таким образом, категория «образ» начиная с античных времен, прошла длительный путь своего развития и находилась под пристальным вниманием исследователей различных научных направлений и школ. Рассматривая образ как взаимосвязь внешнего и внутреннего мира, его можно охарактеризовать с помощью таких свойств как предметность, объективность, субъективность. Следовательно, образ – это системное образование, которое характеризуется многомерностью и многоуровневостью.

Литература:

1. Абрамова, Н.Т. Являются ли словесные акты мышлением? [Текст] / Н.Т. Абрамова // Вопросы философии.- 2001.-№ 6.- С. 68-83.
2. Василюк, В.Е. Методологический анализ в психологии [Текст] / В.Е. Василюк. - М., 2003. - 272 с.
3. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога [Текст] / С.Ю. Головин.- М., 1997. - С. 351-356.
4. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии [Текст] / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский.- Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.- Том 2.- 416 с.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Национальная идентичность, национальное сознание, коммуникация

АННОТАЦИЯ. В статье предложена попытка выявить особенности национальной идентичности на примере современной языковой ситуации. Раскрыты аспекты виртуализации коммуникации как новой формы взаимодействия субъектов коммуникативного акта. Также рассматривается социокультурная идентичность через призму информационных технологий.

Zotova Anna Sergeevna

THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY: COMMUNICATIVE ASPECT

KEY WORDS: National identity, national consciousness, communication

ABSTRACT. The article offers an attempt to identify the characteristics of national identity on the example of modern linguistic situation. Disclosed virtualization aspects of communication as a new form of interaction of the communicative act. We also consider the socio-cultural identity through the prism of information technology

В исследованиях современного общества, которое часто называют информационным, осознается тот факт, что деструктивные явления во многом связаны с неуправляемы-

ми потоками информации. С точки зрения постиндустриалистского подхода оценивается только количественный рост информационных потоков. Подобного рода подход к информации своими истоками имеет теорию К. Шеннона, в которой он отвлекался от ценности и смысла информационного сообщения, передаваемого по каналам связи. Для постмодернистов также характерен отказ от иерархии ценностей, которые они относят к пережиткам метафизики. Информация рассматривается как коммуникация – интерактивный обмен символами. При таком подходе характер активности в информационном обществе определяется не содержанием информации, а ее операциональностью. Более информированный человек не тот, кто больше знает, а кто участвует в большем числе коммуникаций. В современном обществе информация превращается в своеобразный идол. Поскольку коммуникация является мотивом деятельности, количество транзакций лавинообразно растет. Один из современных исследователей Д. Иванов следующим образом определяет информацию: «Информация – это коммуникация, операция трансляции символов, побуждающая к действию». Базовой технологией в рамках компьютерной революции стал Интернет. По мнению исследователя, в Глобальной сети Интернета не создается никакого знания: трансляция является самоцелью. Это приводит к засилью рекламы, направленной не на представление реальных свойств товара, а активизацию аффективной составляющей психики потребителя. Манипулирование знаками, символами становится видом профессиональной деятельности. Имиджевые образы замещают реальных людей, социальное программирование и манипулирование сознанием становится одним из определяющих видов деятельности. Широкое использование симуляционных технологий приводит к формированию нового вида реальности – виртуальной.

В этой ситуации особую актуальность приобретает проблема сохранения национально-культурной идентичности. Формирование национально-культурной идентичности тесным образом связано со становлением индустриального общества. По мнению Ю. Хабермаса, «национальное сознание как способ культурной интеграции - специфическая черта Нового времени» [5, с. 84].

Крах идеи европоцентризма с ее установкой на европейскую культуру как идеал и базовые ценности национально-культурной идентичности Европы как эталон общечеловеческих ценностей в конце восемнадцатого века приводит к идее плюрализма идентичностей, их принципиальной несводимости друг к другу и необходимости ведения диалога на равных. Формирование капитализма в девятнадцатом веке сопровождается перемещением акцента в интерпретации понятия национально-культурной идентичности в сторону правовых отношений. Специфика идентичности определяется спецификой норм права, человек идентифицирует себя, прежде всего, как гражданин, обладающий определенным набором гражданских свобод.

Новые информационные технологии позволяют формировать виртуальные личности, в которых социокультурная идентичность создается как некая заданная модель. Возможность создания и манипулирования подобными моделями связана с общими тенденциями в культурном развитии современной эпохи. Принципиально меняется трактовка сущности человека и его личности. Организующим принципом культурной жизни человека современности становится принцип трансформации. Игровая деятельность пронизывает все сферы культурной жизни. Она считается тем многограннее и эффективнее, чем более раскрепощена психика. Психика, освобожденная от традиционных запретов, получает

возможность реализовать себя самым невероятным образом. Возникает новый тип сознания, где подобно вспышкам молнии интуитивные озарения переплетаются с догадками разума, наука включает в себя элемент религиозного мировоззрения, а религия пользуется данными науки, произведения высокой культуры мирно существуют рядом с массовой. Конструирование действительности становится основополагающим свойством человека. Не случайно самой популярной игрушкой детей конца XX века является трансформер. В отличие от человека традиционной культуры, «новый человек» теряет стержневую основу. Возникает так называемый «феномен Протея». Жизнь человека превращается в калейдоскоп образов, в набор ролей им же самим и созданных. «Вживание в образы» позволяет имитировать различные социокультурные идентичности. При этом происходит распад целостности личности: она удваивается, утраивается, становится множественной и в этом состоянии перестает быть личностью. Новые информационные технологии дают одинаковую возможность проявить себя и как личности, и как «маске». Все зависит от того, какую мировоззренческую систему мы принимаем. Таким образом, идентичность определяется особенностями процесса коммуникации. Он задает условия, какие особенности той или иной идентичности будут востребованы. Именно эту условность идентичностей отмечает Н. Луман в своих исследованиях: «Уже невозможно придерживаться того, что идентичности, будь они субъекты или объекты, в их бытии предшествуют времени. Напротив, они конструируются и воспроизводятся внутри времени, и всегда в настоящем...» [3, с. 72].

Привязка к национальному в виртуальном мире коммуникаций перестает быть связанной с происхождением. «Национальность» определяется субъектом коммуникацион-

ного процесса. Он может менять ее в зависимости от стоящих перед ним задач и просто по собственной прихоти. Привязки к телесности, определенному «национальному» облику в виртуальном мире теряют свое значение. Любой облик может быть задан по желанию субъекта. Остаются только мировоззренческие идентификаторы; выдвижение тех или иных идей, принятие ценностей, использование языковых выражений, но они жестко не закреплены за субъектом и могут им варьироваться.

Общеизвестно, что без активного участия творческой интеллигенции в процессе формирования у сограждан символических образов и ценностей, структур гражданского общества, новых основ политической культуры, правосознания и гражданственности широких масс населения не обходилось еще ни одно государство.

Сегодня все чаще звучит мысль, что творческая интеллигенция проигрывает состязание за умы и чувства людей. Зачастую ее представители утрачивают свою передовую роль в силу слабого профессионального и интеллектуального уровня, в силу незрелости нравственных и гражданских позиций, наконец, отсутствия “призвания” формировать своей деятельностью ценности гражданского общества. Вследствие публичности профессии чаще всего такие упреки высказываются в адрес российских журналистов.

Для интеллигенции средства массовой информации по-прежнему являются, с одной стороны, фактором внутригрупповой интеграции, с другой – фактором коммуникации. Через СМИ интеллигенция участвует в формировании ценностей и смыслов, лежащих в основании национальной идентичности. При этом власть обеспечивает гарантии, соответствующие демократической системе и тем самым повышает ее ответственность перед обществом, заключающуюся

в том, что интеллигенция принимает на себя выполнение обязанностей по формированию в обществе определенных образов и символов, принципов лояльности и толерантности. Для государства, в том числе и российского, важно, чтобы в существующем в обществе символическом пространстве шла постоянная трансляция этого образного ряда, поддерживая тем самым идею законности существования государства.

Национальная идентичность не может формироваться в социальном пространстве, не имеющем четких ценностно-смысловых ориентиров и определенного вектора развития. Нельзя не признать, что изменились условия и возможности каждого человека выбирать близкие для себя образы и символы, включаться в деятельность различных общественных организаций. Причем идеи противопоставления российской ментальности и традиций принципам гражданского общества, по сути, губительны. Прививать демократические ценности, воспитывать умение согласовывать свою свободу с проявлениями свободы других индивидов, не нарушая при этом целостности государства, поддерживать разнообразие и сложность социокультурного пространства – это длительный по времени процесс. Чтобы национальная идентичность не противоречила принципам культуры гражданского общества, конструирование социума не должно противоречить ожиданиям и идеалам. Но эти идеалы должны быть выстроены самим обществом и быть созвучными всем гражданам России. Соответственно, на сегодняшний день актуальным также является вопрос, что представляет собой субъект гражданского общества – личность как носитель гражданских ценностей. Таким образом, новизна и противоречивость современной социокультурной ситуации актуализирует обе стороны проблемы: и личностного самоопределения, и интеграции и консолидации общества на основе определенных, общих, разде-

ляемых большинством населения, национальных, культурных и цивилизационных параметров.

Литература:

1. Кортунов С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. – М.: Аспект Пресс, 2009.
2. Лебедев С.А. Философия науки. – М. : Академический Проект, 2010.
3. Луман Н. Самоописания. М.: Логос, 2009.
4. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
5. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Академия. 1995.

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФЕНОЛОГИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Фенология, георафизация, проблема типизации фенологических режимов, сезонная динамика ландшафта.

АННОТАЦИЯ. В статье определяется предмет фенологии, ее место в системе наук, задачи на современном этапе культурного развития

Ivanova Yuliya Ruslanovna

HISTORY AND METHODOLOGY OF PHILOLOGY

KEY WORDS: Phenology, geografizatsiya, problem typing technological regimes, seasonal dynamics of the landscape.

ABSTRACT. In the article the subject of phonology, its place in the sciences, the task at the present stage of cultural development.

Система знаний о сезонных явлениях природы, о сроках их наступления и причинах, определяющих эти сроки, называется фенологией. Термин «фенология» был предложен бельгийским ученым Ш. Морраном в 1853г. По мнению ряда фенологов филологически термин является не вполне удачным, однако, несмотря на это, он употребляется и в настоящее время. Определений фенологии много. Одно из наиболее развернутых было дано известным советским фенологом А.И. Руденко: «Фенология - наука, изучающая закономерности сезонного развития растительного и животного мира, а

также явлений неорганической природы в их взаимосвязи и взаимодействии».

Фенология – синтетическая наука. Она изучает закономерные погодичные сезонные изменения биосферы, биоритмы природных комплексов и геосистем в различных географических зонах, взаимосвязи и многосторонние сезонные изменения живых и неживых объектов на огромном географическом пространстве. Фенология всегда развивалась как пограничная дисциплина между биологией и географией. В биологическом плане она изучает закономерности сезонного развития организмов. В географическом – те же закономерности в их связи с абиотическими условиями среды и географическим положением объектов наблюдений.

Начало наблюдений над сезонными явлениями природы восходит к древнейшим временам — необходимость в таких наблюдениях диктовалась повседневными хозяйственными нуждами. С течением времени значение фенологических наблюдений все возрастало, и ныне сфера практического приложения фенологии как учения о сезонной динамике природных явлений необычайно широка. Сезонная динамика природы, охватывая любую геосистему в целом, несмотря на многообразие ее проявления, не является каким-то неупорядоченным процессом, а определяется соответствующими фенолого-географическими закономерностями.

Фенология тесно связана со многими разделами географии. Фенологическая характеристика ландшафтных геокомплексов (ЛГК) является важной составной частью их общенаучной характеристики. Как справедливо отметил С. В. Калесник, фенологию следует рассматривать в качестве географической дисциплины - науки о сезонной динамике ландшафта [5]. Сезонную динамику ландшафта С.В. Калесник считал одной из составных частей его структуры [4]. Та-

кого же взгляда на фенологию придерживается А.Г. Исаченко, который полагает что сезонная динамика ландшафтного геокомплекса - это его важный классификационный признак [2].

Каждая наука, претендующая на самостоятельность, должна иметь свой объект изучения. У фенологии, при её традиционном толковании, их почти бесчисленное множество. Если объектом фенологических исследований являются организмы и их сообщества, а фенологические факты используются для углубления биологических закономерностей, фенология выступает как раздел биологических наук. Когда же объектом фенологических исследований становятся территории, геосистемы, а фенологические факты используются для углубления географических закономерностей (то есть исследования отвечают на вопросы: где, когда и в какое время наступают различные фазы развития объектов, составляющих природные системы в разных географических зонах), фенология выступает как раздел географических наук. Вероятно, поэтому известный географ, академик Б.П. Колесников считал фенологию методом. Основоположник уральской научной фенологической школы В.А. Батманов говорил, что фенологию нельзя считать методом, т.к. фенологических методов много.

Дальнейшее развитие фенологии и эффективность ее прикладного использования в немалой степени будут зависеть от ее «географизации». Фенология в течение многих десятилетий традиционно считалась биологической дисциплиной, имеющей дело с сезонными явлениями живой природы. Однако со второй половины XX века в ней усилилось внимание к изучению связей между внутригодовым ходом биотических и абиотических процессов. Всестороннее и взаимосвязанное исследование сезонной ритмики климатических,

гидрологических, почвенных, биотических и других процессов существенно обогащает познание геосистем. Поэтому нужно считать вполне закономерной тенденцию толковать фенологию как учение о сезонной динамике ландшафтов и, следовательно, как особую отрасль географической науки.

Несмотря на прогресс в развитии общей фенологии, еще многие проблемы в этой области требуют дальнейшего изучения. Актуальными являются проблема установления единства в важнейших фенологических явлениях, проблема периодизации годового круга природы, неразрывно связанная с проблемой типизации фенологических режимов и их районирование. Решение этих задач требует усовершенствования программ общепенологических наблюдений и методики их проведения. Назрела необходимость внедрения дистанционных методов, вплоть до регистрации сезонного состояния территорий и акваторий.

Кардинальной задачей общей фенологии остается выявление закономерностей во взаимосвязях и взаимодействиях между сезонной динамикой отдельных абиотических и биотических компонентов геосистем на основе сезонной динамики энергии и вещества. Итоговой задачей является генерализация всех частных резонных процессов в форме описания сезонной динамики геосистемы как целого. Перспективными методами при решении проблем общей фенологии являются моделирование и системный анализ.

Литература:

1. Григорьев, А.А. Географическая оболочка. Кратк. геогр. энцикл., Т. I. М., 1960.
2. Исаченко А.Г. Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. М.: Высшая школа, 1965. – 328 с.

3. Калесник С.В. Общие географические закономерности Земли. М.: «Мысль», 1970.
4. Калесник С.В. Современное состояние учения о ландшафтах. Л.: ГО СССР, 1959. – 17с.
5. Калесник С.В. Фенология и география. – В кн.: Труды фенологического совещания. Л.: Гидрометеиздат, 1960. – с. 34-37.

*Беляева Людмила Александровна
Истрафильева Лариса Хайбрахмановна
Черепанова Валерия Павловна*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Человеческий потенциал (физический, культурный, социальный), человеческий капитал, образование.

АННОТАЦИЯ. Авторы статьи анализируют понятия человеческого потенциала и человеческого капитала в зарубежной и отечественной науке, предлагают свою модель путей и средств развития человеческого капитала, определяют роль образования в этом процессе.

*Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna
Istrafileva Larisa Habibrahmanovna
Cherepanova Valery Pavlovna*

HUMAN POTENTIAL IN STRUCTURE OF ECONOMIC RESOURCES

KEY WORDS: Human potential (physical, cultural, social), human capital, education.

ABSTRACT. Authors of article analyze concepts of human potential and the human capital of foreign and domestic science, offer the model of ways and development tools of the human capital, define an education role in this process.

Под экономическими ресурсами понимаются все виды ресурсов, используемые в процессе производства товаров и

услуг. В сущности это те блага, которые используются для производства других благ.

Человеческий потенциал является частью экономических ресурсов и включает в себя знания, практические навыки, творческие и мыслительные способности людей, их моральные ценности, культуру труда, которые они использует в своей производственной деятельности.

Рассматривая данную тему, следует остановиться на позициях ряда ученых, которые в свое время изучали этот вопрос.

Так, например, Т. Шульц внес существенный вклад в становление теории человеческого капитала на начальном этапе ее развития, в ее принятие научной общественностью и популяризацию. Он сделал многое для понимания роли человеческого капитала как основного производительного фактора индустриальной и постиндустриальной экономик [6].

Г. Беккер перенес понятие человеческого потенциал на микроуровень. Человеческий потенциал предприятия он определил как совокупность навыков, знаний и умений персонала. В качестве инвестиций в работников Беккер учел затраты на образование и обучение. Он оценил экономическую эффективность образования, прежде всего, для самого наемного работника. Дополнительный доход от высшего образования он определил как разницу между доходами тех, кто окончил колледж, и работников со средним общим образованием [3].

В условиях движения российского общества к инновационной экономике сегодня востребован всестороннее развитый человек, с высокой творческой активностью и социально-профессиональной мобильностью. «Инвестиции в людей важны для роста, так как образованное и здоровое население – решающий фактор реализации всех преимуществ

ществ экономического потенциала общества», - пишут специалисты Совета экономических консультантов при президенте США [7].

Не менее важным при рассмотрении теорий «человеческого капитала» или «человеческого потенциала» является фокусировка данных теорий с поправкой на окружающую среду, тот ареал, территорию, регион, государство, где они применяются и развиваются. В связи с этим целесообразно увидеть их эволюцию на просторах нашей страны.

Понятия «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» появились в российских научных источниках сравнительно недавно, с переходом к рыночной экономике. До этого данное понятие считались характерными только для буржуазного общества. Долгое время они оставались без внимания, поскольку ведущие экономические ВУЗы возглавляли руководители с «советским мышлением». Несмотря на то, что реальное восприятие и внедрение в российскую практику теории человеческого капитала затянулось на многие годы, на сегодня оно является одним из центральных интенсивных факторов развития экономики. Особый вклад в разработку проблем человеческого капитала в России и пути их решения внесли современные российские экономисты Ю.А. Корчагин, Е.Г. Ясин и др.

Ю.А. Корчагин и Е.Г. Ясин подчеркивают, что «нынешний экономический рост, поддерживаемый исключительно высокими ценами на нефть, закончится года через два-три - и мы вступим в некую новую эпоху. Ее принято называть экономикой знаний, и ее запросам надо соответствовать, иначе мы рискуем стать очередным «провалившимся» государством (такowymi в ускоренном темпе становится большинство развивающихся стран). Как считает Ясин, Россия к новой эпохе не готова из-за недооценки человеческого

капитала. «Человеческий капитал - единственный реальный ресурс развития страны на ближайшее время!» [4].

Для решения этих проблем необходимы огромные средства, значительные инвестиции. Причем, со стороны государства.

Немаловажную роль играет индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он является более точным критерием прогресса, чем, например, общепринятые критерии валового внутреннего продукта (ВВП) или национального дохода.

ИРЧП - это попытка измерить и сравнить достижение стран в повышении качества жизни населения. В России базовый ИРЧП состоит из: ожидаемой продолжительности жизни на момент рождения, уровня грамотности взрослого населения и ВВП в расчете на душу населения. В 1995 году ИРЧП для Российской Федерации составил 0,760 (единица составляет 100%). В 1993 году он имел более высокий уровень 0,804 . В 1997 год = 0,747; в 2000- 0,763ед. Сравнительный анализ статистических данных позволяет выявить динамику развития человека. Согласно этим данным мы видим в девяностые годы XX века ИРЧП в России имел устойчивую тенденцию к снижению. Это касается не только дохода, но и ожидаемой продолжительности жизни. И хотя показатели, связанные с образованием были относительно стабильными, вопрос о качестве образования и его доступности должен стать предметом специального анализа, обусловленного специальными требованиями.

Отсюда вытекает еще одна проблема - поиск и обоснование путей и средств развития человеческого потенциала (человеческого капитала), который, на наш взгляд, включает в себя следующие составляющие:

- *физический потенциал*, выражающийся в здоровье человека. Сегодня в рамках системы образования необходимо проведение такой политики, которая бы определяла комплекс мер по обеспечению здоровья детей, по воспитанию здорового образа жизни, по внедрению здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс;

- *психический потенциал*, развитие которого предполагает формирование высокой мотивации познавательной деятельности, высокий уровень познавательных способностей (гибкость мышления, рефлексивность, критичность, стремление к овладению метазнаниями, к открытиям); упорство и настойчивость в достижении целей; развитую фантазию, находчивость, изобретательность; способность легко адаптироваться к новым явлениям и обстоятельствам; самостоятельность и в целом – психическое здоровье;

- *культурный потенциал* предполагает духовно-нравственное воспитание, включающее развитие добротолерантности, совести и других нравственных чувств, а также потребностей в нравственном поведении; художественно-эстетическое воспитание, нацеленное на развитие чувства прекрасного и потребностей в красоте, совершенствовании, творчестве; экологическое образование, целью которого должно стать формирование экологической культуры, выдвигающей на первое место любовь к жизни во всех ее проявлениях, к окружающей и своей собственной природе, заботу и ответственность за их сохранение;

- *социальный потенциал* охватывает социально-значимые качества и социально-ролевой репертуар личности: готовность к труду, профессиональному выбору и профессиональной самореализации; патриотизм и гражданственность; правовое сознание и законопослушное поведение; инициативность, самостоятельность, толерантность; способ-

ность к успешной социализации и активной адаптации в социуме [2].

Реализация этих направлений в области образования позволит создать условия для повышения конкурентоспособности страны, являющейся одной из целей ее социально-экономического развития.

При анализе человеческого потенциала в России особенную тревогу вызывает проблема сохранения человеческой жизни. На наших глазах сегодня разрушаются природные основы человеческой индивидуальности, появляются не жизнеспособные поколения молодых людей. Для образовательной сферы эта проблема приобретает особый смысл. Приводимые данные, динамика ИРЧП и отчетливая негативная тенденция предполагают в процессе социализации, образования и воспитания ориентацию на культуру жизненного поведения, сохранение жизнеспособности человека, повышение его адаптационных возможностей. Сохранение полноценной жизни даст возможность решать и вопросы совершенствования качества образования [5].

Такими образом, приоритет в социально-экономическом развитии в России мы видим в сохранении человеческой жизни и жизнеспособности населения. Кого мы будем учить на всех уровнях образования (начальное, среднее и высшее), если ситуация с состоянием здоровья и уровнем жизнеспособности среди детей, подростков и молодежи – критическая? Идет рост: по детской заболеваемости, инвалидности, распространению наркомании, СПИДа, алкоголизма, снижению уровня физического развития, увеличению психических проблем.

На фоне этих данных вырисовывается приоритетная задача для всех ступеней социализации и уровня образования - сохранение человеческой природы; сохранение жизне-

способности российского человеческого ресурса; формирование посредством обучения и воспитания жизнесохраняющих практик, способствующих реализации человеческого потенциала.

Все перечисленные проблемы и пути их решения лежат в плоскости теорий социального капитала, человеческого потенциала и человеческого капитала, и, следовательно, развитие научной мысли в данных сферах является приоритетными для российского научного сообщества.

Литература:

1. Алчян А., Демсец Г. Производство, стоимость информации и экономическая организация // Вехи экономической мысли - Том 5: Теория отраслевых рынков - Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2003. С. 280-317.
2. Беляева Л.А., Беляева М.А. Образовательная инноватика как актуальное направление философско-педагогических исследований / Педагогическое образование в России. - 2014. № 1. С.56 – 60.
3. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. – ГУ-ВШЭ. 2003.
4. Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал: Фактор развития или деградации? - Воронеж: ЦИРЭ, 2005.
5. Федоров Ю. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 1997 / под общ. ред. проф. Ю. Федорова - М.,1997 – С. 13.
6. Shultz T. Investment in Human Capital. N.Y., London, 1971.
7. Economic Report of the President. - Washington, 2003, p. 372.

**ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Наука, теория, истина, парадигма

АННОТАЦИЯ. На основе анализа радикальных изменений, происходящих в науке, включая ее социально-гуманитарный сегмент, рассматриваются проблемы истинности научного знания. Эти изменения анализируются с точки зрения перехода от постклассической к постнеклассической стадии развития науки, в ходе которых трансформируются представления об истине, критериях ее проверки и т.д.

Letyagin Leonid Ivanovich

**THE PROBLEM OF TRUE
KNOWLEDGE IN POST-NON-CLASSICAL SCIENCE.**

KEY WORDS: Science , theory, truth, paradigm.

ABSTRACT. The article dwells on the problems of true knowledge in contemporary science including humanitarian segment. These changes are connected with the transition from the "classical" to "post-non-classical" stage of science development and the consequent changes in the concepts of truth, its evaluation criteria etc.

Говоря о развитии науки сегодня, принято говорить о революционных изменениях которые претерпевает она сама

и все основные аспекты её понимания: 1) как системы знания; 2) познавательной деятельности — ее целей, принципов, средств, регулятивов; 3) социального института, выполняющего определенные функции в социальной системе, что является одним из важнейших условий функционирования и развития общества.

При этом, несмотря на разнообразие точек зрения на происходящие процессы, затрагивающие собственно сферу научного знания — его целей, содержания, методов, принципов, способов организации (институционализации) и т. д., речь идет об общем в понимании и оценке сегодняшнего этапа развития науки как продолжающегося перехода от ее классической стадии (формы) существования «через» неклассическую к постнеклассической.

Указанный переход, занимающий достаточно длительный исторический период, представляет собой последовательное изменение типов рациональности, критериями отличия которых, как показал В. С. Степин, выступают особенности: 1) системной организации исследуемых объектов и типов картины мира; 2) средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки; 3) ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженных в специфике философско-мировоззренческих оснований науки [См.: 1, с. 249-251].

Тем самым речь идет об изменении в понимании эпистемологических требований к получению и оформлению истинного знания, т. е. к смене научной парадигмы.

Если кратко сформулировать ее суть, то она заключается в признании периферийности таких принципов истинности, как наглядность и эмпирическая проверяемость теоретических положений и, самое главное, того, что между познающим разумом и объектом его познания существует «по-

средник» — человеческая деятельность.

С этих позиций научный разум теряет свою суверенность и предстает как разум, детерминированный культурой, содержанием которой являются, помимо предшествующего теоретического знания, различного рода нормы, ценности, мировоззренческие установки, представляющие собой конкретно-историческое и иерархическое системное единство.

Это означает переход к пониманию научного знания с точки зрения «принципа антропности», согласно которому «наличие наблюдателя не только меняет картину наблюдения, но в целом является необходимым условием для существования материальных основ этой картины» [2, с. 415], как открытой, изменчивой системы, главной особенностью которой оказывается *плюралистичность истинных утверждений*.

Возникновение «новой парадигмы» означает признание большинством научного сообщества того, что истина, как результат познавательного процесса, оказывается *многомерной*.

«Вопреки классической эпистемологии, — отмечает В. Г. Федотова, — истина, в настоящее время, может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину» [3, с. 50].

Тем самым в качестве требования и критерия истинности знания и «научности» методологии его «получения» считается «соотнесенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. При чем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненауч-

ными, социальными ценностями и целями»[4, с.634]. Мерой истинности знания оказывается степень его адаптивности к общественным потребностям, интересам, ценностям, его способности решать *прикладные* практические задачи.

Это закономерно приводит к изменению представлений о критерии истинности (ложности) тех или иных теоретических утверждений или теорий в целом — истинным оказывается то, что в данном интервале является ценным, т. е. благом. Именно поэтому развитие «постнеклассической» науки предполагает преодоление той принципиальной и полярной в «классической» и менее «жесткой» в «неклассической науке» демаркаций, разделявших и противопоставлявших ценность и знание. В этом случае «размывается» то противопоставление о котором постоянно говорится в многочисленных исследованиях АО философии науки, а именно – полярная противоположность научного знания и идеологии.

«Постнеклассическая» рациональность начинает рассматривать не только научные знания с точки зрения их прагматической ценности, но *сами эти ценности как форму знания*.

Это закономерно воспроизводится в социально-гуманитарной эпистемологии, где обусловленность социальной теории социокультурными факторами не только признается, но считается одним из главных признаков истинного знания.

Достаточно определенно об этом высказывается Х.-Г. Гадамер, когда, рассматривая эпистемологию исторического познания, пишет, что это «означает не принижение исторического познания, но момент истины. Обусловленность даже может мыслиться как необходимый составной элемент истины, если человек не хочет оказаться заложником этой самой обусловленности. Здесь должно считаться как раз „на-

учным“ — разрушить фантом истины, оторванной от места нахождения познающего»[5, с. 10].

Такая позиция находит свое обоснование в виде более или менее сформировавшейся точки зрения на необходимость отказа от приоритетности эпистемологического формата анализа науки, когда проблема различий «между ней (идеологией. — Л. Л.) и наукой «снимается» путем их функциональной интеграции»[6, с. 66].

В применении к социальным теориям их статус как научного (истинного знания), в противоположность идеологизированному оказываются амбивалентным такими переменными, как 1) время существования; 2) масштаб распространения; 3) количество сторонников; 4) меры влияния на формирование мировоззрения индивидов, групп и их поведение; 5) степень «пригодности» к использованию в политической борьбе за власть (ее изменение и сохранение).

В результате анализа этих переменных обнаруживается, что научная социальная теория приобретает все признаки идеологии.

Более того, нельзя не заметить, что указанные признаки совпадают и с признаками научной парадигмы, из чего следует, что или научная парадигма наполняется идеологическим содержанием, или обретает в функциональном аспекте статус исторически определенной формы «научной идеологии».

В пользу такой трансформации говорит хотя бы то, что если в рамках последней нет значимых конфликтов, конкуренции и противоречий, хотя есть относительное разнообразие «акцентов», то межпарадигмальная конкуренция носит значительно более острый характер, одним из свидетельств чему было противостояние марксистско-ленинской диалектико-материалистической социальной парадигмы и «буржу-

азных социальных фальсификаций», что однозначно рассматривалось как форма *идеологической* борьбы.

Формирование и обоснование необходимости «новых» отношений, возникающих между объектом и субъектом познания в «постнеклассике», когда культурные ценности включаются в содержание научного знания в качестве важнейшего и необходимого уровня его структурной организации и как методологии и как результата с закреплением за последним свойство репрезентативности (представления) делает проблематичным критерий истинности или ложности такого рода представлений.

Для общественнознания же признание фактически *любой возможной* интерпретации объекта как истинной означает радикальное изменение его научного статуса.

«Инфляция» истины в форме абсолютизации ее относительности («текучести») наиболее «предметно», пожалуй, проявляется, например, в возникновении «новых отношений» между наукой, идеологией и религией. Последняя начинает рассматриваться как равноправный участник в процессе создания «карты сущностей».

Это объясняется тем, что религия обладает теми же свойствами, что и «постнеклассическая» наука, а именно: 1) истинности как ценности; 2) привлекательности; 3) полезности.

Вот что пишет по этому поводу Д. В. Пивоваров: «Не всякая полезность истинна и привлекательна. Не все привлекательное истинно и полезно. Общество по-разному настроено на приятие или неприятие научных теорий и религиозных учений. Привлекательная доктрина (теория) очень быстро распространяется в обществе, даже если ее истинность и полезность еще не установлены» [7, с. 581-582].

Тем самым ни научная, ни религиозная теория не мо-

гут идентифицироваться по шкале «истинного» или «ложного» знания, это равнозначные парадигмы.

Если научная истина включает в себя оценочный (субъективный) компонент в качестве одного из важнейших конституирующих признаков, то религия делает то же самое.

Это проявляется в том что «вместо объявления религиозного знания ложным, не соответствующим действительности учением о *реальности*, его провозглашают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых неприменимы категории истинности-ложности, как в отношении художественного творчества» [8, с. 73].

Не менее дискуссионным представляются и те взгляды, согласно которым критерием истинности научного знания заявляется степень «направленности (науки. — Л. Л.) на поиск истины и рост истинного знания в синтезе с поиском и реализацией гуманистических идеалов» [9, с. 87].

Но нельзя забывать то, что обоснование истинности научных знаний направленностью к решению общечеловеческих, глобальных проблем, может оказаться предметом манипулятивного воздействия, в ходе которого в разряд этих проблем целенаправленно включаются те, которые считаются «полезными» здесь, сейчас или в более или менее отдаленной перспективе, что означает использование авторитета науки в обеспечении реализации какого-либо «проекта», позиционируемого соответствующим общечеловеческим ценностям, целям «прогресса». Тем самым наука включается в идеологический алгоритм в качестве его важнейшего элемента, обуславливающего эффективность социального (политического) управления.

То, что «гуманистические ценности» всегда подвергались интерпретации в интересах определенных групп и ин-

ституты, выдававших «свои» ценности и идеалы за «всеобщие», не требует особых доказательств. Но в условиях информационного общества такого рода надделение, как «снятие» их априорности и объективности, облегчается благодаря возможностям, предоставляемым многообразными средствами и технологиями воздействия на сознание и мотивы поведения социальных субъектов.

Но не подвергаются ли эти ценности, включая их иерархию, сознательной целенаправленной интерпретации в угоду интересам определенных групп, социальных институтов и прежде всего институтов власти?

«В насковзь организованном обществе, — подчеркивает в этой связи Х.-Г. Гадамер, — каждая группа интересов разворачивается по мере ее экономической и социальной власти. И научное исследование она оценивает также согласно тому, в какой мере его результаты будут полезны или вредны ее собственной власти. В этом отношении любое исследование должно опасаться за свою свободу, и любой естествоиспытатель знает, что его открытия с трудом могут добиться признания, если они невыгодны господствующим интересам»[5, с. 11].

Тем самым, становится императивно необходимым не только переход «к конкретному анализу этических регулятивов научного знания, моральных коллизий, возникающих с развитием биомедицинских технологий и осознанием ядерной опасности»[10, с. 19], экологического кризиса и т. д.

Это не вызывает сомнений.

Речь следует вести и об оценке тех политических «проектов», осуществление которых не менее, если не более опасно для человечества, тех идеологий, которые способствуют этому, объявляя себя единственным носителем «абсолютного» выразителя «всеобщего» блага.

Но для такой оценки требуется новая рефлексия взглядов на развитие общества как процесс исключительно *прогрессивного* развития, осознание того, что этот процесс содержит в себе реальные и противоположные объективные альтернативы (в том числе — возможность регресса и катастрофы) и «проекты», выбор из которых не телеологичен, что «невидимая рука» исторической необходимости (Гегель) или необходимости экономической (К. Маркс) — это рука человека, осознанно или неосознанно делающего этот выбор и подчиняющего историю своей «человеческой необходимости».

Указанная задача может быть решена только посредством тщательной, методичной, целенаправленной ориентации общественознания в рамках философского дискурса как «новой» рефлексии понятий прогресса, науки и идеологии, их содержания, функций и целей, общечеловеческих ценностей, свободы, власти и т. д., имеющей своей задачей формирование той культурной идентичности человека, которая бы способствовала сохранению целостности общества, его функционированию и дальнейшему развитию.

Отсюда следует, что своеобразие ситуации, сложившейся в отношениях науки и идеологии, сегодня определяет значимость (ценность) установления корреляционных связей между ними.

Необходимость их формирования, развития и сохранения заключается в том, что в научном творчестве необходимы: 1) переход от парадигмы достижения истинной «картины мира» к вопросам о «потребном» образе мира, который должен стать нормативным императивом, индивидуальным и цивилизационным «смыслом»; 2) перенос акцентов с проблем познания социальной субстанции на проблематику перспектив человеческого бытия с точки зрения ценностно-

целевых модусов как общечеловеческих идеалов, которые способствуют (противоречат) сохранению (уничтожению) человечества; 3) пересмотр приоритетов (иерархии) социальных ценностей и определения главных (стратегических) целей и средств развития человечества; 4) отказ от деклараций и целенаправленное формирование идеологических конструкций, способствующих решению этих задач.

Для этого и социальные науки, и идеологические концепции должны сформировать «общий предмет» своего интереса — поиск и обоснование тех универсальных, разумных, морально привлекательных принципов, на основании которых только и возможно сохранение и прогрессивное развитие общества, и соответственно, развитие гуманитарного знания.

Литература:

1. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. — СПб, Издательский дом «Мирь», 2009.
2. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. Учебное пособие для аспирантов. / В.П. Кохановский, Т.Г., Лешкевич, Т.П Матяш, Т.Б. Фатхи. — Ростов н/Дону: Феникс, 2008.
3. Федотова, В. Г. Классическое и неклассическое в социальном познании / В.Г. Федотова // Общественные науки и современность. —1992. —№ 4.
4. Степин, В. С. Теоретическое познание: монография / В. С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2000.
5. Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе / Х.-Г. Гадамер. // Топос. — 2000. —№ 1.

6. Тузиков, А. Р. Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса массмедиа : моногр. / А. Р. Тузиков. — М. : Соц.-гуманит. знания, 2002.
7. Пивоваров, Д. В. Философия религии / Д. В. Пивоваров. — М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006.
8. Шахов М.А. Реализм как общая основа религиозного и научного знания/ М.А. Шахов //Вопросы философии. — 2008. — №10.
9. Прохоров, М. М. Наука и современность / М. М. Прохоров // Философия и общество. — 2013. — № 1.
10. Огурцов, А. П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке / А. П. Огурцов // Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / Х. Лэйси. — М. : Логос, 2001.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГА
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
(ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Педагог, поликультурное пространство, развитие, методология

АННОТАЦИЯ. Сегодня, в условиях усиливающейся глобализации предъявляются самые высокие требования к профессиональным и личностным качествам современного педагога: к его активной личностной позиции, самопознанию, самоопределению, творческой саморегуляции. В этой связи в последних педагогических исследованиях все чаще рассматривается поликультурное пространство.

Mihailov Anton Anatolevich

**TEACHER'S PROFESSIONAL
DEVELOPMENT IN THE MULTICULTURAL
ENVIRONMENT (METHODOLOGICAL APPROACHES)**

KEY WORDS: Development, methodology, multicultural environment, teacher

ABSTRACT. In today's globalizing world there are the highest requirements for professional and personal qualities of the modern teacher regarding his or her active attitude to life, self-understanding, self-determination, creative self-regulation. In this regard, researchers come to the conclusion that the only possible type of society nowadays is the one with multicultural and tolerant environment.

Процесс профессионального развития человека во многом определяется социальной ситуацией: от нее зависит отношение личности к профессии и профессиональным сообществам. Изменение социальной ситуации профессиональной деятельности закономерно ведет развитию новых профессионально важных качеств личности, новых актуальных компетенций и в целом направленности личности. В психолого-педагогических исследованиях этого процесса такие ученые, как Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, С.К. Бондырева, Э.Ф. Зеер, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн и др., используют понятие «образовательного пространства» для характеристики многокачественных явлений становления личности педагога [3, с. 5].

Образовательное пространство, как многомерное социальное и психолого-педагогическое явление, связанное в единое целое различными коммуникативными механизмами и оказывающее ситуативное и ограниченное влияние на развитие личности, при этом развивается само, видоизменяясь и обрстая новыми качественными характеристиками. Так, в условиях усилившихся процессов глобализации, интеграции, миграционных процессов в социологических и психолого-педагогических исследованиях появляется понятие «поликультурное образовательное пространство» (в противовес «монокультурному»), сложившееся на основе уже имеющегося опыта межкультурного и межнационального отечественного образования и ставшее актуальным в данных условиях [1].

В связи с необходимостью развития у педагогов особых профессиональных и психологических качеств для успешной профессиональной деятельности в поликультурном образовательном пространстве исследователи вопроса (М.В. Дюжакова и др.) обращаются к термину «профессионально-

психологические характеристики педагога». Он рассматривается как совокупность индивидуально-психологических качеств и свойств личности, актуальных профессиональных компетентностей и направленности личности, определяющих возможность успешного выполнения педагогической деятельности в развивающихся экономических и социокультурных условиях современного общества [3, с. 31].

При исследовании закономерностей профессионального развития педагога в поликультурном образовательном пространстве учеными (М.Г. Синякова) применяются системный, синергетический, ресурсный, аксиологический, компетентностный и субъектно-средовой подходы [3, с. 29-31].

Системный подход заключается в изучении поликультурного образовательного пространства как целого, состоящего из разных взаимосвязанных элементов, упорядоченного и сложноорганизованного. Основной акцент делается на выявлении многообразных связей, имеющих место как внутри исследуемого объекта (поликультурного образовательного пространства), так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой.

Синергетический подход используется в науке при изучении открытых, нелинейных, саморазвивающихся и самоорганизующихся систем. Развитие профессионально-психологических характеристик педагогов в поликультурном образовательном пространстве требует применения этого подхода с целью обеспечения в исследовании учета объективных и субъективных, закономерных и случайных факторов в их развитии.

Перенос внимания с взаимодействия внешней среды и системы на внутренние возможности самой системы приводит к необходимости использования ресурсного подхода. Ре-

сурсами развития профессионально-психологических характеристик в условиях формирования поликультурного образовательного пространства могут выступать личности педагога и обучаемого как носителей определенных культур, их национальная и культурная идентичность; внешние и внутренние факторы, детерминирующие развитие пространства; технологии обучения; технологии интеграции в культуру и т.д.

Аксиологический подход содержательно базируется на гуманистической концепции образования и является ее прямым выражением, поскольку ориентирует цели, содержание, технологические средства образования на его личностно значимые результаты. В исследовании поликультурного образовательного пространства применение аксиологического подхода связано с тем, что ценностно-смысловое наполнение образовательного пространства всегда носит социокультурный характер. Кроме того, необходимо понимание того, какими ценностями и жизненными установками руководствуется педагог в своих социальных и профессиональных взаимодействиях, как они соотносятся с ценностными ориентациями общества, коллектива, социальной общности, окружающих людей.

Компетентностный подход ориентирует подготовку специалиста к профессиональной деятельности не на освоение им определенного объема знаний, познавательных умений и навыков, а на формирование у него в процессе обучения профессиональной компетентности. Кроме того, не менее важным конструктом данного подхода является определенный набор метакачеств, под которыми подразумеваются способности, качества, свойства личности, обуславливающие продуктивность широкого круга социально-профессиональной деятельности человека [2]. Применительно к изучаемому вопросу на основе компетентностного под-

хода ученые рассматривают процесс развития профессионально-психологических характеристик педагога, направленных на осуществление взаимодействия с субъектами образования и представителями этнических обществ, а также разработка технологий психолого-педагогического сопровождения.

Субъектно-средовой подход направлен на изучение субъектов образовательного пространства (учителей, учащихся, родителей, представителей школьной администрации) в социальном контексте. В связи с тем, что наиболее «ощущаемыми» тенденциями современного культурно-цивилизационного развития являются поликультурность и конвергенция культур, данный подход позволяет выявить влияние новой социокультурной ситуации на развитие профессионально-психологических характеристик педагога.

Рассмотренные методологические подходы являются основой исследований закономерностей развития профессионально-психологических характеристик педагога в поликультурном образовательном пространстве, выделения детерминант их развития и определения технологий психолого-педагогического сопровождения этого процесса.

Также на основе данных подходов М.Г. Синякова выделяет следующие основные принципы исследования развития профессионально-психологических характеристик педагога как социально-психологического и социокультурного феномена [3, с. 28-29].

Принцип целостности при изучении развития профессионально-психологических характеристик педагога в поликультурном пространстве позволяет рассматривать все его компоненты в целостности. Нарушение целостности пространства, а также изменение или деструкция какой-то характеристики приведут к изменению и самого пространства,

и профессионально-психологических характеристик педагога, работающего в нем.

Принцип детерминизма и индетерминизма в развитии следует из фундаментального положения синергетики о существовании открытых, нелинейных систем, к которым относится и поликультурное образовательное пространство. В случае поступательного, прогрессивного развития этот процесс детерминирован упорядоченными внешними благоприятными факторами. Возникновение критических моментов развития приводит к образованию неустойчивых процессов, которые порождают флуктуации (колебания) и бифуркации. Критические ситуации изменяют вектор профессионального развития, определяя неустойчивость траектории развития. Так, при изучении развития профессионально-психологических характеристик педагога в поликультурном образовательном пространстве необходим учет внешних и внутренних факторов, детерминирующих динамику, траекторию и содержание профессионального развития.

Принцип вариативности связан с тем, что в поликультурном образовательном пространстве возможны различные варианты траекторий профессионального развития, которые обуславливают многообразие профессионально-психологических характеристик педагога. В рамках монокультурного образовательного пространства возможен принципиально другой состав профессионально-психологических характеристик педагога, чем в поликультурном.

Принцип активности личности заключается в том, что она всегда является активным субъектом своего профессионального развития. Поэтому, находясь в предлагаемом поликультурном образовательном пространстве, личность играет ведущую роль в освоении, изменении этого пространства и

развитии профессионально-психологических характеристик, востребованных в нем.

Принцип соразвития личности, образования и профессии основывается на признании возможного и действительного, потенциального и реального. Из этого принципа следует признание саморазвития профессионально-образовательного пространства и детерминация «созвездий возможностей» профессионально-психологических характеристик, а также компенсаторное приспособление личности к изменяющимся социокультурным условиям.

Согласно принципу когерентности все существующее находится во взаимосвязи. Исходя из этого, все составляющие поликультурного образовательного пространства взаимосвязаны друг с другом и с профессионально-психологическими характеристиками личности. Процесс развития поликультурного образовательного пространства взаимосвязан с развитием профессионально-психологических характеристик педагога.

Таким образом, в исследованиях профессионального развития педагога в поликультурном образовательном пространстве используются различные методологические подходы: системный, аксиологический, компетентностный, ресурсный, субъектно-средовой и синергетический, что позволяет выявить закономерности и принципы профессионального развития педагога, обобщить множество качеств и характеристик для определения содержания и технологий психолого-педагогического сопровождения профессионального развития педагогов в новых социокультурных условиях.

Литература:

1. Дюжакова М.В. Совершенствование поликультурной подготовки современного учителя. М., 2013. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-polikulturnoy-podgotovki-sovremennogo-uchitelya> (дата обращения: 01.03.2015).

2. Зеер Э.Ф. Личностно-развивающее профессиональное образование / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург, : Изд-во ГОУ ВПО «РГППУ», 2006. – 170 с.
3. Синякова М.Г. Развитие профессионально-педагогических характеристик педагога в поликультурном образовательном пространстве России : автореф. дис. докт. психол. наук : 19.00.07 / Синякова Марина Геннадьевна. – М., 2013. – 51 с.

*Ромашенко Александр Александрович
Ромашенко Мария Александровна*

ГЕРМЕНЕВТИКА И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Методика преподавания философии, аксиологическая компонента, феноменология, интенциональность, рефлексия.

АННОТАЦИЯ. В статье изложены основные методики преподавания философии на нефилософских направления подготовки студентов. Автором обосновывается необходимость феноменологического подхода в преподавании философии.

*Romaschenko Aleksandr Aleksandrovich
Romaschenko Mariya Aleksandrovna*

HERMENEUTICS AND PHENOMENOLOGY: THE POSSIBILITY OF TEACHING PHILOSOPHY

KEY WORDS: Methods of teaching philosophy, axiological component, phenomenology, intentionality, reflection.

ABSTRACT. The article describes the basic methods of teaching philosophy in the non-philosophical areas of training students. The author proves the necessity of phenomenological approach in the teaching of philosophy.

Осмысление проблем воспитания и образования с точки зрения философии был поднят еще в древнегреческой культуре. Сегодня, кажется, уже никто не станет отрицать той роли, которую играет философская рефлексия в станов-

лении человеческой личности. Однако возникает вопрос о том, можно ли научить самой философии, возможно ли не просто обучить человека системе доказательства, аргументации и системности мышления, а научить его мыслить. Этот тезис, в свою очередь, порождает проблему преподавания философии не в качестве методической, а в качестве фундаментально-онтологической проблемы, обращенной к самой сущности философии.

Как правило, в современном российском высшем образовании курс философии, особенно это касается нефило-софских специальностей, преподносится в трех ипостасях: как история философии, как система основных понятий философии, и, наконец, как попытка смешения этих двух составляющих. Каждый из принципов форматирования философского материала имеет свои плюсы и минусы. Философия как история философии позволяет создавать условную связь исторических схем структурирования человеческого культурного опыта и философских идей, которые в этот опыт методически укладываются. Однако часто такой подход ведет к схематизации философского знания, где основополагающим становится последовательность или преемственность различных школ и идей. Такая методика вовсе не учитывает своеобразного диалогического подхода к обучению мышлению. Ведь в рамках философского знания, в отличие от многих наук и преподаваемых отраслей знаний, обучающийся становится своеобразным участником, центром диалогического взаимодействия, где возникает Другой. В таком диалоге ключевыми становятся не исторически – временные рамки и системы, а динамичная структура слова, постоянно вырабатываемая по отношению к другой структуре [4, с. 427 - 457]. М.М. Бахтин в работе «Проблема поэтики Достоевского» пишет о монологическом и диалогическом мире художе-

ственного творчества, замечая, что «монологический художественный мир не знает чужой мысли, чужой идеи как предмета изображения. Все идеологическое распадается в таком мире на две категории. Одни мысли — верные, значащие мысли ... стремятся сложиться в чисто смысловое единство мировоззрения; такие мысли не изображаются, они утверждаются; эта утвержденность их находит свое объективное выражение в особой акцентуации их, в особом положении их в целом произведения, в самой словесно-стилистической форме их высказывания и в целом ряде других разнообразнейших способов выдвинуть мысль, как значащую, утвержденную мысль... Другие мысли и идеи — неверные или безразличные с точки зрения автора, неукладывающиеся в его мировоззрение — не утверждаются, а — или полемически отрицаются, или утрачивают свою прямую значимость...»[1, с.61]. Удивительным образом такое описание подходит и под методику преподавания философии, где в монологическом ее изложении исторической собственной структуры обнаруживаются лишь значимые утверждаемые идеи и идеи, которые включаются в контекст вторичного и малозначительного. Однако для ситуации философствования такая структура принципиально невозможна, так как в процессе обучения философии необходимо создается диалог, в котором возникает со-знание. Другими словами, должна возникать интер-дискурсивная ситуация, где полемика и столкновение идей происходит вне исторической и временной структурированности. Такая позиция, бесспорно, вызывает ряд сложностей, связанных, например, с тем, что в таком подходе, в отличие от осевой структуры истории философии, предполагается обнаружение многоаспектных сетевых связей, образующих методическое древо идей и понятий.

Второй подход в преподавании философии предполагает акцентирование внимания на основных понятиях философии, например, понятиях бытия, материи, сознания, истины. В этом случае можно было бы говорить о том, что происходит обращение собственно к философии, а не к исторической схематизации ее структуры. Однако и в такой методике можно заметить шаблонизированную структуру определенной пред-данности предмета философии. Таким образом, философия предстает в виде пирамиды конструкторов, которые упорядочены определенным структурно-системным методом и отранжированы в строгой последовательности. Диалогичность же философских стратегий отражена как раз в обратном, она, как отмечает Кристева Ю., опираясь на М.М. Бахтина, «совершенно невозможна без логических и предметно-смысловых отношений, но она не сводится к ним, а имеет свою специфику» [1, с.431].

Третья распространенная методика преподавания философии для нефилософских специальностей включает в себя эклектичный проект смешения первых двух методик. В таком микшировании видится возможность компаративного совмещения исторической схематизации и, казалось бы, сущностно-понятийной структуры философии. Однако и в этом случае проблемы, возникающие в первых двух методиках, не находят своего разрешения. Это происходит потому, что, как правило, такое синтезирование исторического и проблемного подходов осуществляется принудительно в ретроспективном приложении истории к предмету философии. В этом случае история начинает играть доминирующую роль как метод стратификации философского знания. Обычно, для философии это становится губительным.

Философия может существовать только в качестве философствования. Любая история философии – это проект

философии, но вовсе не истории, философия в этом случае всегда вправе заявить свои безоговорочные права, ведь, это, в первую очередь философствование. То же касается и проблематизации философского знания, в котором, как правило, за структуру часто принимают исторический подход. Упор в преподавании философии на ее основные понятия и вычленение основных вопросов и направлении философии в зависимости от определения этих понятий также начисто лишает философию образа философствования. Такой подход раскрывает предмет философии как нечто предданное, поставленное и системное, в этом случае философия лишается живой диалоговой структуры.

Таким образом, главная задача в преподавании философии определяется не только ее методическим, но и методологическим приложением. Вопрос о методологии гуманитарных наук, включая и философию, ставится уже довольно давно. Специфика таких наук была определена под именем «наук о духе» В. Дильтеем. Философ видит в содержании таких наук три компонента, а именно, историческое суждение о предмете, абстрактные закономерности и понятия и, наконец, оценочные суждения. Совокупность данных составляющих обеспечивает познание частного и индивидуального. «И взаимосвязь между историческим, абстрактно-теоретическим и практическим направлениями мысли пронизывает науки о духе как общая им всем основная черта» [3, с.303]. Таким образом, можно обратить внимание на то, что методика преподавания философии, как правило, учитывает только два первых компонента, почти нивелируя практическое направление оценочного суждения. Однако любая попытка внесения такой аксиологической компоненты в методику философии сталкивается с рядом трудностей. На пути

разрешения таких трудностей возникает феноменологическая методология.

Феноменология позволяет раскрывать многоаспектную, подвижное Единое сознание, выходя за рамки естественного познания, как обозначает его, например, Гуссерль в противоположность философскому познанию [2, с.80 - 85]. Через понятие интенциональности философия не просто обращается к внешнему опыту как возможности его осуществления, но и направляет интенцию на само сознание и позволяет говорить о рефлексии. В этом случае не происходит замыкания на внешних контактных коммуникативных связях, а напротив, оказывается необходим широкий горизонт повседневности.

Интенциональность позволяет смыкать погружение во внешние смыслы и структуры пред-данного и одновременно оборачивать эти смыслы к рефлексии собственного сознания. Это, в свою очередь, дает возможность создать ситуацию погружения. Появляется удивительная возможность трансформировать повседневный опыт в горизонт мышления, создавая ситуацию активного погружения в состоянии рефлексии. Методически такое активное погружение можно проработать по принципу «обучающей атмосферы», когда создается дискурсивная ситуация погружения.

Подобная методика была использована для проведения олимпиады по философии в Саратовском техническом университете имени Гагарина Ю.А. Когда студентам были предложены задания не в качестве классических вопросов или тестов, а была продемонстрирована ситуация возникновения идеи, эффект погружения в которую был достигнут использованием различных каналов восприятия: визуального, слухового, эмоционального. Таким образом, обучающийся оказывался в горизонте жизненного мира повседневности,

который с необходимостью требовал вживания в ситуацию философствования. Такая методика преподавания философии позволила соединить и историческую, и абстрактную, а главное, ценностную определенность изучаемого предмета, где сам предмет предполагал методику «вживания», а не искусственной пред-данности его сознанию обучающегося.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблема творчества Достоевского [Текст] / М.М.Бахтин – Киев: «NEXТ», 1994.
2. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций [Текст] / Э. Гуссерль / пер. с нем. Н. А. Артеменко - СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008.
3. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории [Текст] / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова // Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
4. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму [Текст] / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000.

ЦЕННОСТИ В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ценности, этика ученого, «чистая наука», «объективное научное знание».

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются два противоположных подхода в науке: освобождение науки от ценностей, и ценностно-ориентированная наука. Автор обосновывает необходимость обращения к понятию объективное знание.

Savoskina Anastasiya Mihailovna

THE VALUES IN THE NATURAL SCIENCES

KEY WORDS: Values, ethics scholar, "pure science", "objective scientific knowledge."

ABSTRACT. This article discusses two opposite approaches in science: the liberation of science from the values, and value-oriented science. The author proves the necessity of the reference to the concept of objective knowledge.

В настоящее время, когда погоня за успехом происходит в условиях высокой конкуренции, а наука стала мощным фактором роста благосостояния общества, ценности в естественнонаучном познании имеют особое значение. Во многих естественных науках подразумеваются не только теоретические разработки, но и внедрение их на практике. Именно ценности являются ориентирами в определении того чем

можно и нельзя заниматься, как вести разработки и внедрять их чтобы не навредить окружающему миру и человеку. Возрастает роль таких понятий как *этика ученого* и *эмос науки*. А, как известно, любая *этика*, в том числе и *этика ученого*, всегда ценностно нагружена, в связи с чем, мы можем говорить о влиянии ценностей на процесс познания в науках о природе и в науках о человеке.

Необходимо определить какую роль играют ценности в естественнонаучном познании. Влияют ли ценности на сам факт получения *объективного знания* в науках естественного цикла.

Вопрос о роли ценностей в научном познании поднимается достаточно давно, но остается открытым. Можно выделить две противоположные точки зрения. Сторонники первой – отрицают наличие места для ценностей в научном познании. Например, представитель неопозитивизма Р. Карнап аргументирует свою позицию тем, что ценности вводят исследователя в заблуждение. Он говорит, о «чистой науке» полностью свободной от ценностей и оценок [3, с. 25]. Такие взгляды не случайно находят отражение и в наше время, одной из сильных сторон в этом случае является получение «наиболее объективного знания», в отличие от науки, в которой имеют место ценности. Для получения «объективного научного знания» необходимо использовать метод логического анализа, когда знания представляются в виде формально-логических символов. Но вопрос в том, возможно ли это на практике? В результате критики этой позиции возникло много других вопросов, ответы на которые дают представители второй точки зрения полагающие, что без ценностей научное познание немислимо. Одним из ведущих представителей такой позиции является Т. Кун. В работе «Структура научных революций» он показал особую роль

ценностей и оценок на переломных этапах развития науки, когда приходится искать совершенно новые решения, выбирать между различными подходами, намечать направление дальнейших исследований. Кроме того, в его работах ценностями в науке объявляются, например: *парадигма*, нормы принятые в научном сообществе, польза науки для общества и др. [2]. Наличие ценностей объясняется участием человека в процессе познания. Эти две позиции заняли довольно прочное место в философии науки. В них есть принципиальное отличие – это взгляд на процесс научного познания совершенно с разных сторон. Одни говорят об абсолютной объективности научного знания, другие сделали акцент на том, как и в каких условиях, это знание формируется. Т. Кун обратил внимание на работу ученых в определенном научном сообществе, Р. Карнап говорил скорее об отдельно взятой работе конкретного ученого.

В современных источниках так же нет единого мнения на данную проблему. Отмечается, что в самих природных объектах нет каких-либо ценностных измерений и что в получаемом знании нельзя смешивать факты и ценности. Но в тоже время, ценностно-нейтральной позиции необходимо придерживаться в рамках конкретного научного сообщества и в конкретной познавательной деятельности. Кроме того, все больше речь идет о присутствии «человеческих смыслов» в науке, ведь в основе принципов, методов, идеалов и норм научного исследования лежит, в том числе и ценностно-ориентированный подход. И это неудивительно, люди сами создают науку, и вполне закономерно, что она насквозь пронизана ценностями. Осуществляя работу над чем-либо, человек вкладывает в это определенный смысл, когда речь идет о науке, тем более. Известно, что научное знание включает ценностные параметры, а следовательно, не может быть эти-

чески не нагруженным. Объективное и истинное знание, как и прежде, является высшей ценностью научного познания. Мы замечаем, что с изменением взглядов на роль ценностей в научном познании, меняется сам подход к пониманию объективности научного знания. Мы говорим о присутствии «человеческих смыслов» в познании, поскольку из системы построения научного знания нельзя исключить человека. Объективное знание перестает быть «знанием без человека».

При таком подходе необходима выработка более полноценной системы познания, когда процесс получения истинного знания рассматривается в комплексе с различными факторами. Такая система не исключает, с одной стороны, полное участие всех систем ценностей и учет всех осознанных и неосознанных форм мышления, с другой.

Мы приходим к выводу о том, что полностью исключить *ценности* из процесса познания невозможно, а необходимо пересмотреть понятие *объективное знание*. Понимание роли и места ценностей в процессе естественнонаучного познания, будет способствовать рождению «объективного научного знания».

Литература:

1. Карнап, Р. Научное миропонимание — Венский кружок / Р. Карнап, Х. Хан, О. Нейрат / Пер. Я. Шрамко // Логос. — 2005. — № 2.
2. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. — М.: АСТ, 2009. — 317 с.
3. Carnap R. Philosophy and Logical Syntax. L., 1935.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ АГРЕССИИ И
ДЕСТРУКТИВНОСТИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Философская антропология, война, деструктивность, практика предупреждения конфликтов.

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает явление войны в рамках редукционистского (как проявление биологической сущности человека) и антиредукционистского подходов, делает вывод о продуктивности последнего как практики предупреждения конфликтов.

Semenova Yuliya Aleksandrovna

**TEORETIKO-METODOLOGICHESKY APPROACHES
TO RESEARCH
OF AGGRESSION AND DISRUPTIVENESS**

KEY WORDS: Philosophical anthropology, war, disruptiveness, practice of the prevention of the conflicts.

ABSTRACT. The author considers the war phenomenon within reduktionistsky (as manifestation of biological essence of the person) and antireduktionistsky of approaches, draws a conclusion about efficiency of the last as practitioners of the prevention of the conflicts.

«Аксиомой» современной конфликтологии является представление о том, что конфликты неустранимы. Значит ли это, что ядерную войну, террористические акты, геноцид, гражданские столкновения нельзя ни избежать, ни предупредить.

дить? Очевидно, что нет. На наш взгляд, основой предупреждения деструктивных, дисфункциональных конфликтов (в том числе и войн) является знание о причинах, их порождающих.

Современная конфликтология, опирающаяся на теоретико-методологическую базу философской антропологии, нацелена на поиск причин конфликтов не вне человека (как обстоятельств и сил, над которыми человек не властен, от которых он отчужден, которые «действуют» за его спиной), но в самой антропологической реальности (как сил, возможностей, склонностей или несовершенства самого человека). Антропологический характер проблем человеческого существования (в том числе войн) достаточно точно передал основатель Римского клуба А. Печчеи: «... мы часто пытаемся найти сложные, невысказанные решения где-то за пределами самих себя, а ведь, в сущности, за ответом о причинах почти всех человеческих трудностей и мировых потрясений вовсе не надо ходить так далеко – ответ в нас самих» [2].

Достаточно популярным (в том числе благодаря работам Л. Козера) является такой подход, согласно которому агрессивность как «человеческое качество» представляет собой важнейшую (если не единственную) причину насильственных, деструктивных конфликтов в современном мире. Такая точка зрения представлена, к примеру, в работах К. Лоренца. В рамках натуралистической антропологии агрессия рассматривается исследователем как врожденный инстинкт борьбы, направленный против собратьев по виду, у животных и у человека. Данный подход, на наш взгляд, является редукционистским: сущность человека здесь определяется его принадлежностью к природному миру, человеческая деструктивность сводится к оборонительной внутривидовой агрессии, обусловленной естественным стремлением к само-

сохранению, а война рассматривается как аналог борьбы за существование в животном мире, защита собственной группы, защита «права на жизнь».

Опасность данного подхода заключается в том, что агрессивность понимается как естественное, неискоренимое начало человеческого существования. Следовательно, во-первых, агрессия как то, что человек исправить не может, не подлежит моральному осуждению. Агрессия, по словам К. Лоренца, – это так называемое «зло». Это значит, что человечество ложно оценивает агрессию как деструктивное безнравственное начало в человеке. Агрессия не представляет собой недостаток воспитания или проявление бездуховности, нравственного несовершенства, человеческой слабости, но она есть природная данность, определяющая сущностные характеристики человека как конфликтующего существа. Значит, война – это норма, так как она обусловлена «природой» человека.

Во-вторых, войны как порождение естественного агрессивного начала, как выход разрушительной инстинктивной энергии человека, неизбежны, поскольку сущность человека, детерминированную природой, не представляется возможным изменить; мир без насилия в целом недостижим. Кроме того, предупреждение войны, насилия крайне сложно, т.к. в современном обществе агрессия носит спонтанный характер. В этом смысле вполне обоснован пессимизм К. Лоренца, утверждающего, что «если бесстрастно посмотреть на человека, каков он сегодня (в руках водородная бомба, подарок его собственного разума, а в душе инстинкт агрессии – наследство человекообразных предков, с которым его рассудок не может совладать), трудно предсказать ему долгую жизнь» [1].

Противоположный подход, антиредукционистский по своей сути, обосновывает Э. Фромм, вступая в спор с К. Лоренцом (например, в работе «Анатомия человеческой деструктивности»). Э. Фромм разводит такие понятия как «доброкачественная агрессия» (оборонительная, общая для животных и человека) и «деструктивность» («злокачественная агрессия», свойственная только людям). Если агрессия – это разрушительный инстинкт, проявляющийся при опасности, угрозе для жизни, то деструктивность, согласно Э. Фромму, – это жестокость, стремление уничтожить, разрушить жизнь другого, причинить ему боль и страдания, не обусловленные инстинктом самосохранения, витальными потребностями человека.

Данный подход является продуктивным для практики предупреждения конфликтов. Преимущества антиредукционистского подхода заключаются в том, что, во-первых, деструктивность рассматривается как проявление человеческого, а не животного начала: «деструктивность, – это зло; это не просто «так называемое зло», в чем нас хочет убедить Лоренц. Это человеческое зло» [3]. Это значит, что война подлежит моральному осуждению как аномальное, противоречащее нравственному порядку явление человеческой жизни. Человеку, в свою очередь, доступны определенные стратегии борьбы со злом войны, такие способы предупреждения конфликтов, как, например, ответное зло, ненасилие, преодоление собственного злого начала через нравственное самосовершенствование.

Во-вторых, Э. Фромм выступает против сведения всех причин войны, деструктивных и насильственных конфликтов к проявлению врожденной агрессивности человека, бессознательного инстинкта к разрушению. «От вавилонских царей и греческих правителей до государственных деятелей совре-

менности – все и всегда планировали свои войны, исходя из самых реальных оснований, тщательно взвешивая все за и против... Утверждение, что причины войн следует искать в человеческой агрессивности, не только не соответствует действительности, но и является вредным. Оно переносит внимание с истинных причин на иллюзорные и тем самым уменьшает шансы предотвращения войн» [3].

Таким образом, война не рассматривается Э. Фроммом исключительно как форма «нереалистического» (беспредметного) конфликта, как выражение людьми взаимной ненависти и проявление разрушительного инстинкта. Антиредукционистский подход позволяет анализировать реальные угрозы (в том числе и глобального характера), рассматривать причины конфликтов как сложную систему объективных социально-экономических, политических и субъективных психологических условий, а также действий отдельных личностей.

Литература:

1. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») [Электронный ресурс] / К. Лоренц. – Режим доступа: <http://lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt>
2. Печчеи, А. Человеческие качества [Электронный ресурс] / А. Печчеи. – Режим доступа: <http://methodology.by/?p=3119>
3. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Электронный ресурс] / Э. Фромм. – Режим доступа: <http://www.marsexx.ru/fromm-anatomy-destr.html>

**РОЛЬ МИФОВ В СОЗНАНИИ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ
(НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ АФ МГГУ ИМ.
М.А.ШОЛОХОВА)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Студенты МГГУ им. М.А. Шолохова, мифы, молодёжь.

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена идеалам и мифам современной молодёжи. Автор статьи выявил самые распространённые мифы среди современной молодёжи на примере АФ МГГУ им.М.А.Шолохова с помощью анкетирования. Результаты показали, что молодёжь склонна строить мифы на подсознательном уровне, живя в мире, где распространены различные стереотипы. Однако молодёжь считает мифы реальной составляющей жизни, поэтому отрицает их существование и своё участие в их рождении.

Skazchenkova Kseniya Andreevna

**THE ROLE OF MYTHS IN THE MINDS
OF MODERN YOUTH
(ON THE EXAMPLE OF THE STUDENTS
AF THE UNIVERSITY NAMED M.A SHOLOKHOV)**

KEY WORDS: Students Sholokhov Moscow State University for the Humanities, myths, youth

ABSTRACT. This article deals with the ideals and myths of modern youth. The author has carried out the survey to regard the most popular myths among the students of Sholokhov

Moscow State University for the Humanities, Anapa Branch.
The results show that the youth tends to build myths on a sub-conscious level, living in the world where different stereotypes are wide-spread. However, the youth considers the myths to be a part of the real life, therefore, it denies their existence and its participation in their birth.

Специалисты отмечают, что в современном мире личностных качеств у молодежи стало гораздо меньше, что характеризует отсутствие стремления к развитию в общественной жизни. С помощью воображаемых идей молодёжь ищет себе подобных, благодаря которым в течение короткого срока времени можем отследить некий мифический стандарт человека для себя. Например, как человек ведёт себя в данном кругу людей, как человек развивается духовно - нравственно, как человек говорит, как человек формирует свой стиль. С помощью заданных критериев мы находимся в поисках своих идеалов, вследствие чего, в дальнейшем, копируем этот образ и пытаемся подражать ему.

Гипотезу нашего исследования можно сформулировать следующим образом: миф как форма действительности современного молодого человека охватывает все сферы жизни и является необходимой категорией мысли и существования сегодняшней молодёжи. Определённые мифы позволяют молодёжи жить в придуманном ими же мире (в том, в котором они хотят жить) и не замечать реальности. Реальность не соответствует их представлениям об идеальном мире, а действительность не соответствует их вымышленным образам и ситуациям – мифам.

Миф — это первая форма духовного освоения мира, его образно-символическое воспроизведение и объяснение[1]. Миф упорядочивает, превращает хаос в космос и, тем самым, создает возможность постижения мира как некоего

организованного целого, представляет его в простой и доступной форме.

Преобладание мифологического сознания относится, главным образом, к архаической (первобытной) эпохе и связывается, прежде всего, с её культурной жизнью, в системе смысловой организации которой миф играл определяющую, доминирующую роль. В мифах события рассматриваются во временной последовательности, однако, зачастую, конкретное время события не имеет значения и важна только отправная точка для начала повествования. Однако в наше время миф является неотъемлемой частью современной действительности.

Следует отметить, что наиболее распространенными социально-политическими мифами являются образы героя, мудреца, воина, родителя. Часто встречаются оппозиции мифологических образов: добро – зло, герой – антигерой, страх – покой, прошлое – будущее, небесное – земное, война – мир, жизнь – смерть, свобода – угнетение и другие.

Мы провели исследование на примере студентов АФ МГГУ им. М.А.Шолохова с целью выявить, насколько современные молодые люди оказываются под властью мифов. Методом для данной деятельности мы выбрали анкетирование, которое показало следующие результаты.

У современной молодёжи, по-прежнему, функционируют различные мифы:

1. Миф о спасении. В основе данного мифа лежит вымышленное спасение, которое человек себе внушает в экстремальных ситуациях или в сложный период его жизни. У современной молодёжи миф о спасении можно отследить с помощью компьютерных игр, которые разработаны на основе сложнейших технологий, и ставят нас перед задачей убить дракона и спасти несчастную принцессу, либо кого-то ещё.

При проведении исследования данного мифа среди студентов АФ МГГУ им. М.А.Шолохова, можно сделать вывод, что молодёжь в возрасте от 17 до 20 лет считает, что уничтожение зла - это путь к спасению, что составило 47% и подтверждает нашу гипотезу.

2.Миф рекламы. Молодёжь, регулярно смотрящая телевизор, как правило, теряет интерес к вечно прерывающейся их любимые программы и сериалы рекламе. Те же, кто смотрит телевизор достаточно редко, относятся к рекламным роликам с интересом. Одни считают себя легче внушаемыми, другие, напротив, утверждают, что их очень непросто в чем-либо убедить.

На вопрос анкеты: «Считаете ли Вы рекламу современным мифом?» ответили положительно 53% респондентов в возрасте от 16 до 20 лет.

3.Миф о сексе и любви. Многие люди склонны к идеализации любви. Они мечтают об идеальном избраннике, идеальных отношениях, вечной любви, феерии и гармонии в интимной жизни. Однако, в реальной жизни все иначе: она (реальность) часто оказывается жестокой, и ожидания не оправдываются. Именно поэтому у современной молодёжи создаются мифы, связанные с любовными и сексуальными отношениями.

На вопрос: «Считаете ли Вы, что интимные отношения до брака являются проверкой на совместимость?» положительно ответили 22% респондента в возрасте от 20 до 28 лет, а остальные опрошиваемые не придерживаются данного мифа.

4.Миф о важности «лайков» в «Вконтакте». Самая распространенная социальная сеть среди молодёжи - это «Вконтакте». Большую часть своего времени молодёжь тратит на виртуальное общение. В современном обществе жи-

вое общение мы заменяем воображаемым. Большинство молодёжи с помощью «лайков» проявляет симпатию к своему собеседнику. Сегодня, мы не можем вживую выразить свои чувства, но при помощи «лайков» это становится для нас возможным. Что такое «лайк» «Вконтакте»? Это символическое проявление симпатии к человеку, который тебе понравился, но молодёжь начала сталкиваться с тем, что эти самые «лайки» утратили свою силу в проявлении симпатии и стали обязательным действием у пользователей этой социальной сети.

Однако исследование показало, что ставить «лайк» «Вконтакте» среди опрошенных в возрасте от 19 до 28 лет не является обязательным действием. Их количество составило 86%, что не подтверждает нашу гипотезу о значимости данного мифа.

5. Миф о «Супермене». «Супермен»! Кто он такой? В современном мире этот персонаж ассоциируется с героем, способным прийти на помощь в любой трудной жизненной ситуации. Однако, это вымышленный образ, который возникает в сознании людей с детских лет и который не имеет ничего общего с реальным человеком.

На вопрос: «Верите ли Вы, что в современном мире существует супермен?» положительно ответили 33% респондента в возрасте от 15 до 19 лет. А на вопрос: «Верите ли Вы, что в случае катастрофы мир может спасти герой?» 31% опрошенных ответили положительно, что частично подтверждает нашу гипотезу.

Мифологические элементы не ограничиваются мифологическими персонажами. Именно структура мифа отличает его от всех других продуктов человеческой фантазии. Следовательно, именно структура определяет принадлежность некоторых элементов произведения к мифологическим. Таким

образом, мифологическим элементом может быть и нечто реальное, интерпретированное особым образом (битва, болезнь, вода, земля, предки, числа и пр.) Как выразился Р. Барт: «Мифом может быть все» [2].

Фрейденобург отмечает существенные характеристики мифа, давая ему определение в своей книге «Миф и литература древности»: «Образное представление в форме нескольких метафор, где нет нашей логической, формально-логической связи, и где вещь, пространство, время понята не расчлененно и конкретно, где человек и мир субъектно-объектно едины, - эту особую конструктивную систему образных представлений, когда она выражена словами, мы называем мифом» [3].

Исходя из полученных данных, можно утверждать о том, что современная молодёжь, в большинстве своём, не склонна к созданию новых определённых мифов и способна жить в реальном мире с действительными представлениями о нём, поэтому отрицает существование мифов. Однако необходимо сделать вывод о том, что часть молодых людей принимает мифы, созданные обществом. Более того, можно отметить, что современная молодёжь придерживается мифа о спасении (47%), склонна доверять рекламе (53%), четверть опрошенных склонны доверять гражданскому браку, а треть - верит наличию сверхгероя, способного спасти мир. Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о неоднозначном отношении молодежи к мифам и серьёзных тенденциях доверия им.

Литература:

1. Алексанян, Е.А. Миф и реальность (на художественном материале современной прозы) / Е.А. Алексанян // Научные труды. Вопросы филологии. — Ереван: Лингва, 2004. — С. 18-21.

2. Малиновский, Б. Мифология и древность. / Б. Малиновский – СПб.: Питер, 2004. – 253 с.
3. Парандовский, Я. Мифология. / Я. Парандовский - М.: Просвещение, 2005. – 170 с.

**СТИХИЙНЫЙ ПОДХОД
К МАТЕМАТИЧЕСКИМ ПОНЯТИЯМ ПРИ АНАЛИЗЕ
КОМПЛЕКСА ПИРАМИД НА ПЛАТО ГИЗЕ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Комплексные числа. Отношения элементов. Древние пирамиды.

АННОТАЦИЯ. Комплекс пирамид в Гизе притягивает внимание не одно поколение исследователей. Автором рассматриваются эти сооружения древности как некое интеллектуальное послание из глубины тысячелетий. Выявляется система математических приемов, предполагающая удивительные теоретические знания в донаучное время.

Uvarov Vladimir Vasilevich

A SPONTANEOUS APPROACH TO THE MATHEMATICAL CONCEPTS IN THE ANALYSIS OF THE PYRAMIDS COMPLEX IN GIZA.

KEY WORDS: Complex numbers. The relationship of elements. The ancient pyramids.

ABSTRACT. The complex of the pyramids in Giza has attracted the attention of not one generation of researchers. The author examines these structures of antiquity as a kind of an intellectual message from the depth of millennia. The system of mathematics techniques is discovered which is supposed amazing theoretical knowledge in pre-scientific times.

Наиболее ранние элементы математических знаний мы наблюдаем в Древнем Египте. Строгие геометрические формы древнейших сооружений в виде четырехугольных правильных пирамид притягивают внимание не одно поколение исследователей. Столь грандиозные артефакты не позволяют игнорировать их величие, культурную и историческую ценность, а также наличие некоего герметического смысла заложенного в них тысячи лет назад. Подобные мегаобъекты обнаружены и в Южной Америке и в Китае. Но скудность достоверных сведений о них порождает большое количество дополнительных предположений. Например, некоторые исследователи допускают существование в недрах пирамид скрытых кладов с рукописями и предметами из необычных материалов и т. д.

Сохранившиеся клинописные тексты, датируемые шестым-четвертым тысячелетиями до н. э., показывают не тривиальные математические познания для тех времен. В древневавилонском клинописном тексте «Plimpton 322» имеет место такая пифагорова тройка чисел: 12709; 13500; 18541 ($12709^2 + 13500^2 = 18541^2$). И это примерно за 1000 лет до появления известного доказательства теоремы Пифагора.

Допустим, что некогда существовала Великая цивилизация, которая владела глубинными системными знаниями, в том числе и в области математики. Но в силу каких-то непреодолимых обстоятельств она исчезла с лица Земли. Мудрейшие хранители этих накопленных знаний, предвидя такой фатальный финал, решили оставить зерно (ключ) своих математических законов для последующей цивилизации. Оправдано зафиксировать послание на неуничтожимом и видном носителе, который не подвержен разрушительному влиянию времени. Именно таким и представляется нам комплекс пирамид на плато Гизе.

Обратим наше внимание на очень большие размеры и геометрическую форму артефактов. Но они дошли до нас без облицовки, и имеется проблема точной реконструкции исходных размеров пирамид, в частности, у пирамиды Хеопса (Хуфу). Высота пирамиды примерно 146,6 м сторона основания около 230 м. Поэтому исходная теоретическая модель пирамиды не имеет единого толкования среди ученых до сих пор.

Для исключения, применявшейся в те далекие времена, меры длины были исследованы пропорции геометрических элементов пирамиды. В результате открылось неведомое ранее отношение один к двум на боковой грани пирамиды (признак наличия двойного квадрата) и коэффициент золотого сечения (носивший название «божественное сечение» до Леонардо да Винчи). Эти объединенные пропорции точно соответствуют данным Геродота (около 484 г до н. э. – 425 до н. э.), который основывался на рассказах египетских жрецов, – квадрат высоты пирамиды равен площади боковой грани. В тоже время наши пропорции не совпадают с наличием числа ρ и других (рациональных) отношений элементов пирамиды некоторых предыдущих исследователей. Так был выбран идеализированный объект - теоретическая модель пирамиды, и дальнейший стихийный путь исследования опирался только на эту модель. Впоследствии была определена математическая связь с моделью пирамиды Хеопса (Хафра), в форме которой имеет место египетский треугольник со сторонами 3; 4; 5.

Поиск взаимосвязей отношений производился без использования градусной и радианной мер, неизвестных в те времена, поэтому не терялись (не сокращались) исходные числовые параметры прямоугольных треугольников. Это позволяло идти своеобразным путем с применением индукции

и дедукции. В дальнейшем применение обобщающих алгебраических символов привело к возможности сложения – вычитания углов с использованием только сторон прямоугольных треугольников в общем виде. Можно сказать иначе – стали доступны принципы взаимодействия треугольников и (или) плоскостей ограниченных тремя точками. Графическое единство (по существу) прямоугольного треугольника и комплексного числа позволило перенести принципы действий первого на второе. Открылись дополнительные внутренние связи в треугольниках, которые не рассматриваются геометрией. Это позволяет видеть внутреннюю структуру комплексного числа после умножения, деления, возведения в степень, то есть имеем математические конструкторы. Давно известны пифагоровы тройки чисел, которые получают из пары натуральных чисел - $a > b$ ($a^2 - b^2$, $2ab$, $a^2 + b^2$) «Plimpton 322», но отсутствует обратное действие. Открывшиеся закономерности позволяют выполнить эту операцию. Дается наглядным образом вывод формулы возведения комплексного числа в любую степень в алгебраической форме, с использованием биннома Ньютона. Формула Муавра использует тригонометрию. Не представляет большого труда и вывод формулы деления комплексных чисел [1 с11-101].

Упомянутый материал позволяет глубже понять свойства и метаморфозы математических величин, видеть дальнейшие пути познания абстрактных математических объектов, в частности, в области теории чисел. Все это стало возможным благодаря назначению математическим единицам дополнительных свойств, которые подсказаны древними пирамидами.

«... - античность знает лишь «натуральные» (положительные, целые) числа, которые играют ничем не примечательную роль среди множества в высшей степени абстракт-

ных разновидностей чисел в западной математике – комплексных, гиперкомплексных, неархимедовых и прочих систем» [2, с 90].

«Научные теории постоянно изменяются. Согласно нашей характеристике эмпирической науки, это вполне естественно и не вызвано простой случайностью» [3, с 76].

Литература:

1. Уваров, В.В. Пирамидометрия: Древнейшее математическое наследие. - Екатеринбург: Изд-во Урал. Ин-та, 2000.-130с.

ISBN 5-7525-0811-8.

2. Шпенглер, О. Закат западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе./ Пер. с нем. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010.-1085с.: ил.- (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0577-0.

3. Поппер, К. Логика научного исследования: пер. с англ. /Карл Поппер.- М.: АСТ: Астрель, 2010. - 565,[11]с. - (Philosophy). ISBN 978-5-17-066751-2 (ООО «Издательство АСТ»). ISBN978-5-271-30541-2 (ООО «Издательство Астрель»).

**СОВРЕМЕННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: СМЕНА ПАРАДИГМ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общество потребления, фактор,
факторный анализ

АННОТАЦИЯ. Статья рассматривает и анализирует процесс зарождения современного общества потребления с платформы предпосылок (факторов) его развития

Fadeikin Phillip Nikolaevich

**MODERN CONSUMER SOCIETY: FACTORIAL
ANALYSIS**

KEY WORDS: consumer society, factor, factorial analysis

ABSTRACT. Article considers and analyzes process of origin of a modern consumer society from a platform of prerequisites (factors) of its development

Образование выступает в качестве одного из наиболее влиятельного и существенного социального института. В современных реалиях состояния социально-экономического, социокультурного, научного, политического, духовного состояния общества образование изменило вектор своего развития. В новых исторически сложившихся условиях образовательная система претерпевает ряд трансформаций и реформаций не совсем положительного характера.

Наиболее отчетливое понимание данных изменений можно пронаблюдать, связав их с парадигмальной составляющей. Корень проблематизации лежит, прежде всего, в

трансформации, переработке, искоренении так называемой сущности образования в связи с изменением концептуальной основы современной **парадигмы образования**. Определение сущности образования в обществе потребления с научной точки зрения имеет актуальное значение, поэтому рассмотрение вопроса о парадигме образования, ее смене, а также дальнейшего развития процесса образования в связи с трансформацией исследуется и анализируется педагогической, психологической, социологической, философской литературе.

Парадигма образования - совокупность заложенных образцов, ориентиров, норм, мотивов, составляющих основу, направления и развитие образовательной системы. Таких парадигм в современной педагогике существует немало и на самом общем уровне их можно разделить на парадигмы, устремленные в будущее ("постнеклассические") или обращенные в прошлое ("традиционные"). Термин "классическая" обозначает устоявшуюся, традиционную, достаточно долго доминирующую в сфере образования парадигму, характерную для советского научного и образовательного пространства. "Прогрессивные" предлагают иное содержание и подходы, иное право и отношения, иное поведение и педагогический менталитет.

Переход от образовательной парадигмы индустриального общества к образовательной парадигме постиндустриального общества означает, в первую очередь, отказ от понимания образования как получения готового знания и представления о педагоге как носителя готового знания. На смену приходит понимание образования как достояния личности, как средства ее самореализации в жизни, как средство построения личной карьеры. А это изменяет и цели обучения и

воспитания, и его мотивы, нормы, и формы и методы, и роль педагога и т.д. (2).

Как мы видим, весь образовательный процесс должен существенно измениться в новых социально-экономических условиях. Изменяются представления о целях, содержании образования, формах и методах обучения и т.д. (3). Все-таки необходимо попытаться задать вопрос и уяснить важный момент, связанный с необходимостью смены парадигмы образования. Нуждалось ли общество и сам человек в проведении таких трансформаций?

Сегодняшние изменения «революционно эволюционного характера» полностью трансформировали само понятие и содержание образовательного процесса. Теперь мы все больше нуждаемся в той истине, что основой прогрессивного развития каждой страны и всего человечества в целом должен являться сам человек, его нравственная позиция, многоплановая природосообразная деятельность, его культура, образованность, профессиональная компетентность (2, с.12). К сожалению, данный концепт является действительным лишь в контексте теоретического осмысления и на сегодняшний день не имеет практической значимости.

Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная ценность, то отныне возобладало понятие «полезного знания» (useful knowledge), т.е. знания, ограниченно в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду (4, с.343). Н. Покровский указывает на изменение концепции знания. Если рассматривать данную проблематику в соответствии с традиционной (фундаментальной) парадигмой образования, характерной, в том числе, для советского образовательного пространства, то эпоха традици-

онной парадигмы, в которой доминировал и функционировал принцип фундаментальности образования, постепенно уходит в прошлое.

Ядром и основой существования современного образовательного процесса становится принцип тотальной **информатизации**, как необходимого условия инновационного развития общества. Проблема состоит в том, что образование далеко не всегда сопровождается процессом трансформации информации в компонент знания. Это означает, что субъект образовательного процесса нагружается лишь объемом информации без процесса осмысления и дальнейшего правильного ее использования для самой личности, а также для развития общества.

Кроме того, современное состояние образовательного процесса имеет ряд специфических особенностей, которые наиболее ярко отражают всю его статус в обществе массового потребления. Согласно современным реалиям социальной действительности корень проблематизации современного образования заключается в том, что факторами, активно влияющими на состояние данного социального института, являются **потребительские запросы**, которые запускают неимоверный процесс дестабилизации и дезинтеграции содержательной и системообразующей сторон образовательного процесса.

На сегодняшний день, именно потребительское отношение к образованию обусловило изменение основного принципа университетского образования – его фундаментальности и привело к качественно новому состоянию данной системы, вследствие чего мы получили совершенно иной дефундаментализированный тип образовательной системы. Процесс потребления и, в частности, потребительство как его сторона - основа существования и отличительный признак

современной образовательной сферы. В настоящее время в условиях потребительского общества формируется *новый субъект образовательного процесса* – человек, который имеет лишь потребительский интерес к образованию, у него формируется представление о том, что знание для него – инструмент адаптации в обществе. Тем самым в сознании личности не происходит творческой интенции и формирования научной новизны, а лишь сбор некой информации, которую можно просто скопировать и «сдать», и это будет соответствовать результату его проделанной работы.

Литература:

1. Беляева Л.А. Человек и его потребности. Учебное пособие / Урал. Гос. Пед. Ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 165 с.
2. Новиков А.М. Постиндустриальное образование. – М.: Издательство «Эгвес», 2008. – 136 с.
3. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе / Парадоксы наследия, векторы развития. – М.: Эгвес, 2000. – 272 с.
4. Покровский Н. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность // Современность / Альманах социокультурных исследований. М., 2006. С. 342-354.

БЫТИЕ КАК ТРАНСГРЕССИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бытие, онтология, трансгрессия, неклассическая физика.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются онтологические аспекты неклассической физики. Анализируется второе начало термодинамики и синергетическая парадигма. В качестве онтологической перспективы неклассической физики эксплицируется трансгрессия.

Faritov Vyacheslav Tavisovich

BEING AS TRANSGRESSION: ONTOLOGICAL ASPECTS OF NON-CLASSICAL PHYSICS

KEY WORDS: Being Ontology, transgression, non-classical physics

ABSTRACT. The article deals with the ontological aspects of the non-classical physics. We analyze the second law of thermodynamics and synergetic paradigm. As an ontological perspectives of non-classical physics explicated transgression.

В онтологическом плане научный дискурс представляет собой конституирование специфического бытийного пространства объективной реальности. С установлением науки как доминирующего бытийного модуса объективная реальность становится приоритетной сферой человеческого бытия, замещая и заслоняя собой другие перспективы существования, существующего вне дихотомии «реального-

нереального». Однако в действительности бытие человека никогда полностью не определялось этой перспективой объективной реальности, поскольку в самом бытии есть нечто, препятствующее безграничной экспансии научного дискурса. Речь идет о перспективе трансгрессии, предполагающей нарушение установленных границ бытийно-смысловой определенности и раскрытие множества гетерогенных перспектив бытия [5].

В XX столетии феномен трансгрессии, в философии известный с древних времён, нашёл своё воплощение в науке – во *втором начале термодинамики*. На наш взгляд, возникновение данной теории следует считать знаковым моментом в истории науки. Наука изначально конституируется именно как отрицание трансгрессии, как утверждение безграничного накопления и наращивания власти посредством установления единой перспективы бытия и смысла. Но второе начало говорит об обратном: энтропия – мера беспорядка системы – постоянно возрастает, стремится к максимуму. Это означает, что наиболее вероятный путь развития любой системы – всё большее удаление от организованного состояния, забывание начальных условий и утрата различий.

Традиционный пример второго начала в действии – газ, равномерно заполняющий отведённый ему объём и переходящий в состояние теплового равновесия. Но область применения второго начала значительно шире этого простого примера: низкий уровень энтропии является необходимым условием существования жизни на Земле. Живые существа (в том числе, человек) – существа со сложным, высоким уровнем организации, т.е. с низким уровнем энтропии. В сложноорганизованных системах тем или иным способом должно поддерживаться низкоэнтропийное состояние, поскольку повышение энтропии означает дезорганизацию и

распад. Жизнь – постоянная борьба с энтропией и, согласно второму началу, эта борьба обречена на поражение.

Нас будет интересовать здесь следующий вопрос: что означает появление такой концепции, как второе начало термодинамики, в науке, смысл которой определён как конституирование бытийного пространства объективной реальности? На наш взгляд, второе начало знаменует глубочайший кризис классической науки. Речь идёт не о простом кризисе научных теорий, смене парадигм в куновском смысле и т.п. Здесь затрагивается нечто более фундаментальное: под угрозой оказалась сама реальность научного дискурса, та реальность, которая была установлена в рамках классической науки. Вечная и неизменная реальность, реальность, раз и навсегда установленная, – гарант всё возрастающего накопления и безграничной власти научного дискурса. Со вторым началом эта реальность претерпевает серьёзный кризис, поколебленными оказываются самые основания науки: реальность утекает, как вода из треснувшего кувшина. Под вопрос поставлено притязание науки на господство, на положение доминирующего бытийного модуса. В этом – уникальность второго начала. Но в этом же и причина его скорого поражения. Наука достаточно быстро справилась с негативными для себя последствиями второго начала.

В *синергетическом мировидении* второе начало оказывается справедливым только для *закрытых систем*. В открытых системах, системах, находящихся в состоянии непрерывного обмена с окружающей средой, второе начало уже не носит характера непреложного закона. Из наиболее вероятного и неизбежного пути развития рост энтропии превращается в один из наименее возможных и наиболее примитивных путей [3, с. 202]: в точке бифуркации микроскопические флуктуации могут возрасти до макроуровня и систе-

ма перейдёт к новому типу организации. Согласно синергетике, подавляющее большинство систем – открытые, закрытые же системы встречаются настолько редко, что могут быть отнесены к идеализациям классической науки. Отсюда следует, что второе начало теряет свою универсальность.

В концепции И. Пригожина порядок и беспорядок утрачивают свой антагонистический характер и приобретают статус диалектических противоположностей. Хаос и беспорядок предполагаются самим порядком в качестве одного из его условий («порядок из хаоса»). Возрастание энтропии больше не связывается с катастрофической дезорганизацией, но представляет собой «цену», которую мы платим за сложную организацию [4, с. 52].

Таким образом, второе начало оказывается побеждено. Верх одержали самоорганизация и глобальный эволюционизм. Как научная теория второе начало термодинамики продолжает занимать видное место в современной науке и после своего поражения, но при этом подвергается существенной модификации, практически полностью утрачивая свою уникальность и универсальность. В своём первоначальном варианте второе начало ссылается в резервацию закрытых систем, о которых можно сильно не беспокоиться, поскольку *наши* системы – открытые. В этой ограниченной области оно не вступает в конфликт с установками научного дискурса на элиминацию трансгрессии, в то время как в своём универсальном варианте второе начало предполагает утверждение трансгрессии.

Со вторым началом термодинамики синергетику сближает то, что в обоих случаях центральным моментом является вопрос об эволюции, развитии сложноорганизованных систем. Однако второе начало термодинамики и синергетика устанавливают диаметрально противоположные на-

правления этого развития. Именно в этом различии следует искать причину торжества синергетики над вторым началом термодинамики.

Второе начало термодинамики с катастрофической очевидностью вскрыло кризис классического принципа реальности: любые начальные условия забываются и система эволюционирует к *хаосу* как к своему наиболее вероятному состоянию. Торжество синергетики над вторым началом связано с *подчинением научному дискурсу самого хаоса*, превращением его в конструктивный образовательно-эволюционный феномен. Таким образом, вместо реальности, исчезающей и рассеивающейся (второе начало), мы получаем реальность буйно растущую, самообразующуюся, порождающую всё более сложные структуры.

В сложноорганизованных, открытых и нелинейных (характеризующихся многовариантностью возможных путей эволюции) системах хаос становится, по-видимому, единственным фактором, способным инициировать развитие и изменения. Немыслимо, чтобы система, состоящая из огромного числа разнородных элементов и относительно автономных подсистем, могла переходить на другой уровень самоорганизации каким-либо иным путём, кроме как через расшатывание, вывода из равновесия и падения в кризис (точку бифуркации). Только так перед сложной системой могут открыться заложенные в ней самой альтернативные, потенциально возможные пути развития. Без хаоса система давно бы застыла в стационарном состоянии, и все альтернативные пути навсегда бы остались непроявленными возможностями.

Раскрытие хаоса в качестве конструктивного фактора образования и эволюции знаменует окончательное поражение классического детерминизма. Однако на смену ему достаточно быстро приходит «новый детерминизм» [3, с. 185].

Хотя изменение системы и не представляется в виде заданных начальными условиями траекторий, эволюция всё равно оказывается в определённом смысле предсказуемой, поскольку набор возможных путей развития ограничен. Выбор одного из путей определён случайностью, но сами пути – строго запрограммированы.

Итак, *самоорганизация* как фундаментальный принцип современной науки представляет собой *второе начало, обращённое вспять*: реальность, непрестанно усложняющаяся, разрастающаяся в своей многоуровневой организации и не нуждающаяся для своего роста в какой-либо субстанции – реальности, порождающая сама себя.

И, тем не менее, существует нечто, на что не распространяется сверхвластность синергетической парадигмы, что остаётся индифферентным к очередным скачкам системы и переходом на новый уровень самоорганизации, индифферентным ко всякой диалектике порядка и хаоса. Нечто, постоянно ускользающее, не подлежащее никакой фиксации, никакой организации, никакому порядку, – трансгрессия. В науке к этому пункту ближе всего подошло второе начало термодинамики, а не синергетика.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Забыть Фуко / Ж. Бодрийяр. – Спб.: Владимир Даль, 2000. – 90 с.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
3. Князева Е.Н. Основания синергетики / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
4. Пригожин И. Время. Хаос. Квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.

5. Фаритов В.Т. Трансценденция и трансгрессия как перспективы дискурса // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 11 (2). – С. 465-469.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сad, 1994. – 408 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Политическая наука, политическая философия, политическая реальность, рационализм, субъективный фактор, иррациональные начала общественно-политической жизни.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются различные научные подходы определения политики как науки. Автор выступает против излишнего рационализма политической науке, обосновывает необходимость активизации ее родовой связи с политической философией.

Hismatullin Ilgiz Rafitovich

POLITICAL PHILOSOPHY OF POLITICAL SCIENCE AND POLITICS

KEY WORDS: Political science, political philosophy, political reality, rationality, subjective factor, irrational social and political life.

ABSTRACT. The article discusses the various scientific approaches definition of politics as science. The author is opposed to excessive rationalism, political science, it proves the need to intensify its ancestral connection with political philosophy.

Политическая наука – одна из древнейших общественных наук, составная часть комплекса политического знания, образованного политической философией и собственно

политической наукой, включая теоретическую и эмпирическую.

Наблюдая бурные события последних лет – обилие разнообразных конфликтов, неутихающие дискуссии, шаткие договорённости, – нетрудно заметить, что политика не только выдвинулась на первое место, но приглушила и отодвинула на задний план многие другие сферы деятельности. Неукротимое буйство политики, а чаще политиканства порождает ощущение хаоса, стихийности, дрящущейся неразберихи, создавая в то же время иллюзию всеобщей интегрированности в политический процесс.

Политика является одним из самых сложных явлений, включённых в целостность общественной жизни. Многие попытки дать её дефиницию оказываются неудачными потому, что она не может быть достаточно четко и однозначно отграничена от других общественных феноменов. Этим объясняется большое количество определений политики (в литературе их насчитывается около 90).

Поэтому принято говорить именно о разнообразии подходов (аспектов) в ее рассмотрении.

Главные из них: а) институциональный – фиксирует наличие конституции, правопорядка и традиции (в английском языке это измерение называют *polity*); 2) нормативно-содержательный аспект – указывает на цели, задачи и предмет политики (в английской традиции характеризуется как *policy*); 3) процессуальное измерение – ориентируется на опосредование интересов через конфликт и консенсус. Последнее измерение затрагивает все формы власти и способы их функционирования (английский эквивалент – *politics*). Указанные три подхода создают вместе то, что характеризуется в целом как политика [2].

Совершенно очевидно, что комплексный характер политики предполагает его изучение на основе совокупности экономических, психологических, социологических и других знаний. Однако ценность такого изучения остаётся проблематичной до тех пор, пока мы не приблизимся к постижению некой общей природы политики. Первоначально (со времен Платона и Аристотеля) таким всеобъемлющим исследованием человеческой деятельности являлась политическая наука, которая была идентична политической философии. В конце XIX в. политическая наука освободилась от политической философии и стала утверждать, что она напрямую связана с политической жизнью. Непосредственное отношение к становлению политической науки как самостоятельной дисциплины имели такие европейские ученые, как М. Вебер, В. Парето, Г. Моска, М. Шелер, К. Мангейм, Г. Зиммель и др., хотя вопрос о том, кем были те или иные из них – социологами или политологами, остаётся спорным. Несмотря на то, что впоследствии на Западе появились определения политической науки, включавшие в качестве составной части и политическую философию, всё же с этого момента политическая наука приобрела свой специфический профиль, который был обусловлен её преимущественной ориентацией на естественнонаучную модель знания.

Что же изучает политическая наука? Она занимается институционально-организационными формами жизни людей. На передний план выдвигаются вопросы, имеющие отношение к политическим институтам и процессам, анализу политических сфер деятельности, национальным и интернациональным формам кооперации и конфликтов, а также проблема обеспечения мира, объяснение политической власти, проекты политического устройства. Основная задача политической науки – поиск рациональных оснований принятия

политических решений, разработка практических рекомендаций по сглаживанию социальных конфликтов.

В свою очередь общий предмет политической науки подразделяется на ряд специальных дисциплин, среди которых наиболее разработанными являются: сравнительная теория политического управления, политическая теория, теория внешней политики и международных отношений.

В последние два десятилетия практически во всех западных странах выделяют три главных направления политической науки: а) т.н. традиционная политическая наука – связывает политико-философские вопросы с преимущественно институциональным рассмотрением политики; б) эмпирическо-аналитическое направление (различные североамериканские варианты политического бихевиорализма) – понимает себя как противоположное нормативно-онтологической школе. Это направление нелегко привести к единому знаменателю, т.к. оно содержит и аналитические, и эмпирические компоненты и склоняется как к макро-, так и микроанализу политики; в) критически-диалектическое направление – занимается анализом базисных общественных условий политических процессов и институтов. Важнейшие импульсы оно черпает из практики развивающихся стран.

Быстрое развитие политической науки, борьба школ и направлений, непрекращающиеся поиски единого предмета содержат опасность разрушения общего контура политической науки, её дезинтеграции. Она превратилась во многих западных странах в разветвлённую академическую дисциплину, не имеющую, однако, ясного представления о своём предмете.

Политическая наука не в состоянии точно очертить границы своего предмета, поскольку они неопределённые и размыты, имеют точки пересечения с идеологией, политиче-

ской философией, социологией политики и т.д. Само развитие политической науки в рамках принятой методологии понимается как процесс накопления позитивных знаний, отмеченный тенденцией к формализации полученного знания. Её теоретические обобщения связаны главным образом с представлениями о структуре и связях изучаемых объектов и основываются на деятельности по сбору и обработке политического материала с широким использованием математического аппарата моделирования. В состав политической науки органично входит фактуальное знание, придающее ей конкретность, достоверность, проверяемость. При этом она проявляет склонность абсолютизировать конкретное из-за временной и пространственной ограниченности своего предметного поля. В сложных политико-теоретических построениях, по существу, игнорируются многие различия в механизмах и социальной детерминации принятия политических решений в рамках различных социальных структур и институтов.

Ориентация политической науки на достаточно формализованные и рационализированные методы привели к тому, что многие проблемы политической жизни оказались вне поля её зрения. Достаточно указать на такие, как проблема ценностей, понимание власти как универсальной сущности, представление о благе, возможность долгосрочного прогнозирования и т.д. Упускалось из виду главное – изменчивая и полиморфная природа политики. Сама политическая реальность – конкретная, многообразная, живая – ускользает, умерщвляется, становится осколочной, когда к ней применяются методы, формирование и развитие которых проходило в основном под знаком преобладающего влияния естественнонаучного познавательного идеала.

Безграничная вера в непогрешимость этого образа науки привела к всеобщему господству рационализма, став-

шего обязательным и универсальным принципом не только для наук о природе, но и для наук об обществе. Универсальность этого принципа отрицает в человеке собственно человеческое. Советское обществоведение и было выражением крайнего рационализма, покоящегося на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и подчинить её определённым установлениям. Произошедшее в прошлом крушение многих канонизированных мифов стало символом очевидной несостоятельности рационализма.

К сожалению, крайний рационализм и поныне остаётся определяющим в решении политических и социальных вопросов, а когда при таком подходе ожидаемого эффекта не наступает, то это обычно объясняют непродуманностью принятых решений. Конечно, непродуманность в рамках принятых логических схем вполне возможна и часто действительно имеет место. Но дело, думается, в другом: модернизируемые рациональные схемы, создаваемые на базе всё тех же познавательных принципов, не в состоянии охватить существование разнокачественных состояний общества, действие многих различных индивидуальных сил. Об этом писал ещё Платон: «Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое никогда не находится в покое, – всё это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношениях всех людей и на все времена» [1]. К этому следует добавить, что политическая сфера жизни, как никакая другая, отличается чрезвычайной активностью субъективного фактора, поэтому необходимо учитывать и проявления неких иррациональных начал в общественно-политической жизни, которые – хотим мы того или нет – время от времени дают о себе знать то в межнациональных конфликтах, то ещё в каких-либо акциях.

Литература:

1. Платон. Политик [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет. – URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/polit.htm>. – (дата обращения: 12.03.15).
2. Wörterbuch Staat und Politik. – München, 1991. – S. 490.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Герменевтика, способность к переживанию художественного образа, эмпатия, рефлексия.

АННОТАЦИЯ. В статье выявлена эмоционально-чувственная и смысловая основа художественного образа, описаны механизмы, способствующие активизации процесса переживания художественного образа.

Chugaeva Irina Grigorevna

HERMENEUTICAL CHARACTERISTICS OF THE ARTISTIC IMAGE

KEY WORDS: Hermeneutics, the ability to experience the artistic image, empathy, reflection.

ABSTRACT. The article revealed the emotional and sensual and semantic basis of the artistic image, describes the mechanisms that contribute to the process of revitalization experience of the artistic image.

Способность к созданию художественного образа связана с умением художника взглянуть по-новому на хорошо известные явления и события жизни, сконцентрировать внимание на осмыслении их социальной и личностной значимости, через переживание и сопереживание проникнуть в душу воспринимающего, заставить его задуматься, переосмыслить отношение к жизни. Так, художественный образ характеризуют как «результат познания ценностного аспекта бы-

тия» (М.С. Каган), как «передачу особой информации и формирование на ее основе духовного облика индивидуума в общественно значимом направлении» (А.Ф. Еремеев), как «форму отражения и осмысления жизни в свете объективно складывающегося опыта отношений человека к действительности» (Л.Х. Раппопорт) и т.п. На ряду с этим, исследователи отмечают, что и эстетическое восприятие художественного образа также является активной художественной деятельностью самого воспринимающего: «ответное понимание» (М. Бахтин), «способность увидеть подлинно человеческое содержание» (М.Ф. Овсянников), «душевный контакт сопереживания, сочувствия, непосредственного общения как с близким другом, с любимым существом» (М.С. Каган).

Какими же принципами организации должно обладать переживание? Если говорить обыденным языком, то почему одни люди проявляют способность к эстетическому переживанию, другие «глухи» к искусству?

В поиске ответа на данный вопрос целесообразно обратиться к герменевтике как методологии (стратегии исследования), так как данная область философского знания обладает набором методов, позволяющим исследовать данный феномен в его целостности: анализ языка, историческая реконструкция, автобиографический метод, понятие герменевтического круга.

Г.Г. Гадамер в своей работе «Истина и метод» сделал понятийный анализ «переживания» в немецкоязычных языках и пришел к ошелмляющему выводу о том, что само слово «переживание» появилось только в 70-ые годы XIX века, как «защита» от последствий цивилизации, механистичности жизни, вызванной индустриальной революцией. Слово «переживание» произошло от более древних слов - «переживать», т.е. «быть еще в живых, когда случилось не-

что», и «пережитое», обозначающее «сохраняющееся содержание того, что было некогда пережито» [2; с. 105]. Таким образом, делает вывод Г.Г. Гадамер, переживание – это всегда пережитое самостоятельно, и это «результат, суммирующий длительность и значимость того, что пережито». Первоначально, слово «переживание» употреблялось при описании биографии художников, с тем, чтобы исходя из биографии, лучше понять их творчество. Например, в работе В. Дильтея «Переживание и поэтическое творчество», посвященное анализу творчества Гёте, в описании биографии Ф. Шлейермахера. Далее В. Дильтей возводит «переживание» до конечной единицы сознания человека, единицы смысловой, взятой в ее целостности, т.к. всякое переживание и есть жизнь. Г.Г. Гадамер делает вывод, что переживание выдвигается из жизненного континуума и одновременно связывается со всей жизнью в целом. В процессе эстетического переживания, «переживающий одним ударом вырывается благодаря власти искусства из последовательности своей жизни, но одновременно с этим ему указывается связь со всей целокупностью его бытия» [2; с. 114].

Герменевтический аспект художественного образа выражается в его многогранности, диалектической связи индивидуального и типического, в открытости и незавершенности художественного образа. Объясним эти положения.

Художественный образ многогранен, так как обусловлен сложностью и противоречивостью самой жизни. Отражая жизненные противоречия, он включает в себя не одну характерность, а несколько, и имеет способность к развитию.

Единичное, индивидуальное и типическое в художественном образе находятся в сложной диалектической связи. «Индивидуальное» в художественном образе не равно единичному (случайному). Через «индивидуальное» художник

выражает «типическое». «Индивидуальное» в искусстве - следствие тщательного отбора художником, отбрасывание несущественного.

Художественный образ строится по «принципу открытой модели, а это значит, что в его содержании есть расчитанная на достраивание и домысливание часть, которая вообще структурно не выражена» [3, с. 11]. Художественный образ определяется как специфическая форма «переживания свободы художественной деятельности» [4, с. 88].

Таким образом, переживание художественного образа можно определить как способность подняться над обыденностью бытия с целью прожить жизнь Другого, имеющая целостную (эмоционально-чувственную и смысловую) природу. Данное определение позволяет найти психологические механизмы, способствующие развитию данной способности. На наш взгляд, это эмпатия и рефлексия.

Так, эмпатия связана с желанием воспринимающего сосредоточиться на образе Другого, жить его жизнью. Мы опираемся на определение эмпатии, данной Л.А. Беляевой, где эмпатия представлена как циклический процесс, имеющий несколько этапов: «с помощью механизмов проекции и интроекции осуществляется моделирование образа другого «Я», затем на основе уподобления и идентификации происходит мысленное и эмоционально-чувственное слияние с ним, которое дает понимание другого и возможность коррекции собственного «Я», причем действие носит циклический характер: когда завершается один цикл, он тут же переходит в новый виток» [1, с.35]. На наш взгляд, данное определение эмпатии отражает многомерность и индивидуальность природы художественной деятельности человека как самоорганизующейся системы.

Осмысление художественного образа связано также с рефлексией как «умением установить связь между проблемой и своим собственным опытом»[1]. Основанием к этому можно считать положение А.Ф. Еремеева о том, что воспринимающий уже в какой-то мере знаком с искусством, некоторыми его жанрами. Поэтому, каждый раз художественное произведение выступает в роли «знакомого незнакомца», в ходе восприятия которого воспринимающий должен разгадать его художественно-образную организацию, сопоставив со своим опытом.

Таким образом, активизация процессов эмпатии и рефлексии будет способствовать развитию способности к эстетическому переживанию как «прорыву к сверхсмыслу», к более широкому контексту, к жизни [5, с. 45]. Такой синтез «ума и сердца» - путь творческого воспитания личности, обретения человеком целостности.

Литература:

1. Беляева, Л. А. Проблема понимания в педагогической деятельности [Текст] : учеб. пособие к спецкурсу / Л. А. Беляева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1995. — 74 с.
2. Гадамер, Г. Г. Истина и метод : основы философ. герменевтики [Текст] : пер. с нем. / Г. Г. Гадамер ; под общ. ред. и со вступ. ст. Б. Н. Бессонова. — М. : Прогресс, 1988. — 704 с.
3. Еремеев, А. Ф. Лекции по марсистско-ленинской эстетике [Текст]. Ч. 2, 3 / А. Ф. Еремеев. — Свердловск, 1971. — 186 с.
4. Пек, А. А. К проблеме бытия произведений искусства [Текст] / А. А. Пек // Вопросы философии. — 1971. — № 7. — С. 82—90.

5. Чугаева И.Г. Художественная коммуникация как средство формирования личностной идентичности старшеклассников на уроках мировой художественной культуры [Текст] : дис. ... к-та пед. наук : 13.00.02 / Чугаева И.Г. — Екатеринбург, 2013. — 268 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева В.А.

Доктор философских наук, профессор,
Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Анапе
353425, Краснодарский край г. Анапа, с. Юровка, ул. Са-
довая, 292, 918-29-87-196
ava-a63@mail.ru

Дереновский Р.И.

Студент II курса по направлению подготовки «юриспру-
денция», Российский государственный социальный уни-
верситет, филиал в г. Анапе.

Арпентьева М.Р.

Канд. псих. наук, доцент, Калужский государственный
университет
им. К.Э. Циолковского
248003, Калуга, ул. Болдина,
д.19, 953-313-48-16,
mariam_rav@mail.ru

Бабикина М.Р.

Помощник проректора по НиИД УрГПУ
904-982-80-67
anvarova@yandex.ru

Беяева Л.А.

Доктор философских наук, профессор, Уральский госу-
дарственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26,
(343)336-15-95, labelyaeva278@mail.ru

Берсенева О.М.

620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26,
902-409-16-92, bersom@mail.ru

Блинова О.А.

Канд. философ. н., доцент, Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26,
(343) 336-15-95, olesyablinova79@yandex.ru

Борисов С.В.

Доктор философ. н., доцент, Челябинский государственный педагогический университет
454071, г. Челябинск, ул. Героев Танкограда 61-А,
922-235-69-35,
borisovsv69@mail.ru

Гайкин В.А.

Канд. истор. наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВОРАН
690001, Владивосток, ул. Светланская, 133-62,
902-484-48-70, Unara49@mail.ru

Горбунова Н.Е.

Ст. препод., аспирант,
Уральский государственный педагогический университет,
Кафедра специальной педагогики и специальной психологии
906-807-94-80,
natalygorbunova@mail.ru

Дедюлина М.А.

Канд. филос. н., доцент, Южный федеральный университет

347900, г. Таганрог, ул. Ломакина, 22,

8(8634)371615, dedyulina72@mail.ru

Ермакова Е.А.

922-152-14-78, elena.a.ermakova@rambler.ru

Зотова А.С.

Помощник проректора по НИД, Уральский государственный педагогический университет, Институт филологии, культурологи и межкультурной коммуникации, аспирант 2 года обучения

г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 30/1,

912-699-31-84,

zotova_nauka@mail.ru

Иванова Ю.Р.

Аспирант, Уральский государственный педагогический университет

963-03-94-666, miss.nocentra@list.ru

Летягин Л.И.

Кандидат философских наук, доцент,

Уральский государственный педагогический университет

620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26,

(343) 336-15-95, let52@mail.ru

Михайлов А.А.

Аспирант, Уральский государственный педагогический университет

929-22-23-611, aam2412@gmail.com

Ромашенко А.А.

Кандидат философских наук, доцент,
Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю.А.
410060, г. Саратов, ул. Южная, д. 40, 904-24-100-27,
romaschenko_al@mail.ru

Ромашенко М.А.

Кандидат философских наук, доцент,
Саратовский государственный технический университет
им. Гагарина Ю.А.
410060, г. Саратов, ул. Южная, д. 40, 904-24-15-414,
buk42@rambler.ru

Савоськина А.М.

Аспирант, Оренбургский государственный педагогиче-
ский университет, кафедра философии, культурологии и
религиоведения
460052 г. Оренбург, проезд Северный, д. 14,
932-53-64-238, sam_2017@bk.ru

Семенова Ю.А.

Кандидат философских наук, доцент,
Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26,
(343) 336-15-95, semenova2008@yandex.ru

Сказченкова К.А.

Студент, Московский государственный
гуманитарный университет им. М.А.Шолохова
Краснодарский край, Анапский район, станица Гостагаев-
ская ул. Анапская 51 «А», 918-03-58-847, skazchenko-
vak@mail.ru

Уваров В.В.

624250, Свердловская обл., г. Заречный, 906-80-70-912,
uvaroff.vl@yandex.ru

Фадейкин Ф.Н.

Аспирант, Уральский государственный педагогический
университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д.26, к. 303
filipp.fadeikin@yandex.ru

Фаритов В.Т.

Кандидат философских наук, доцент,
Ульяновский государственный технический университет
432071, Ульяновск, Кролюницкого 15, 927-828-72-50,
vfar@mail.ru

Хисматуллин И.Р.

Магистр географического образования,
Башкирский государственный педагогический универси-
тет им. М. Акмуллы»
453130, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, ул.
Полевая, д. 13, 9177540815, hismatullin87@mail.ru

Чугаева И.Г.

Кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26,
922-105-07-88, irinachugaeva555@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ФИЛОСОФИЯ И НАУКА
Материалы XIV Всероссийской научно-практической
конференции молодых учёных

Компьютерная вёрстка: Н.В. Марецких

Подписано в печать 26.05.2015. Формат 60x84/16
Бумага для множ. ап. Гарнитура Times New Roman
Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 15,3. Тираж 500 экз. Заказ №
Оригинал-макет отпечатан
в Уральском государственном педагогическом университете
620017, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@dialup.utk.ru